

октябрь

Юга

2.91

Югра
№ 2, октябрь 1991.

Редакционная коллегия:

В. К. Белобородов

(Редактор)

Н. Д. Иванов

(художественный редактор)

Л. В. Луцкай

Т. А. Молданова

Обложка художников

Е. Крутских и Н. Иванова

Историко-культурный журнал.
Учредители — исполнительный
комитет Совета народных де-
путатов Ханты-Мансийского ав-
тономного округа и научно-
производственная ассоциация
«Аки-Отыр»

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул. Ми-
ра, 5. Телефон редакции
4-12-25.

Сдано в набор 30.08.91.
Подписано в печать 5.11.91.
Формат 60x84 1/16. Бумага
газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,74. Уч. изд. л.
4,48. Тираж 8000. Заказ
№ 2212. Цена 1 р. 70 к.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть»
управления печати и массо-
вой информации Курганского
облсполкома. 641800
г. Шадринск, ул. Спартак 6.

В номере:

Н. К. Рерих. Привет нашим общест- вам культуры	2
О. Васильева. Кто спасет наши души?	4
Анкета журнала (окончание)	9
М. Мадьярова, Н. Новикова. Готовы ли мы к диалогу?	11
«Меня повела мечта»	15
З. Соколова. У вождя длинная коса.	17
Е. Кузакова. Игры мансийской де- ревни.	21
Л. Луцкай. Земля моя вечная	23
М. Заплатин. Осень на Тапсуе (продолжение)	27
А. Первов. На сосьвинских пасеках.	33
Г. Тимофеев. Крещение Югры	38
К. Пьянков. Война — тяжелая работа	42
Ю. Вэлла. Стихотворения	48
П. Бахлыков. Медвежья падь	50
«Курс — на Архангельск» (окончание)	56

ПРИВЕТ

Н. К. Рерих.

НАШИМ ОБЩЕСТВАМ

КУЛЬТУРЫ

Шлем привет нашим обществам! В течение последних двух лет около наших учреждений создано 63 общества, раскинувшихся в двадцати двух странах. Каждый месяц приходят новые предложения, притекающие не только из ближних мест, но и из самых дальних окраин. Таким образом, десятилетие нашей работы в Америке ознаменовывается целым движением во имя Культуры. В наши дни общественных и государственных смятений что же может быть более радостного, более зовущего вперед, как не образование этих многочисленных, растущих очагов Культуры.

Как многообразны проявления Культуры, так же многообразны и общества наши при всем своем основном культурном единении. Одни из них благосостоятельны, другие скудны средствами. Одни многочисленны, другие образуются тесным кружком. Одни мечтают о широких общественных выступлениях, другие же ищут укрепления и интимности. Они разнообразны так же, как и многовидна сама жизнь. Так и должно быть. Было бы большою недальновидностью устремлять жизнь к одному стандарту.

Культура, так тесно связанная с духовностью, прежде всего выражается в изысканном, многообразном творчестве. Творчество же, в существе своем, при единстве мировых законов, всегда свободно, покоясь лишь на сознательной дисциплине духа. Эта сознательность духа приводит нас к сотрудничеству, тоже сознательному и строительному. Таким образом, общества наши прежде всего созидательны во благе, творящи в красоте и крепки накоплением знания.

Мы уже достаточно знаем, что не богатство создавало и Красоту и Знание, но создавал их дух человеческий. Если вы возьмете всемирные списки творцов, созидателей, то вы не найдете там сказочных богатств материальных, но, конечно, найдете неиссякаемую сокровищницу духа творящего.

В моем недавнем обращении к одному из наших обществ мне приходилось указывать, что для культурного общения не нужны никакие особые средства. Даже иногда и

стакан чая не нужен, ибо кипеть будет не чайник, но сердце человеческое. Те, кто мечтал бы о каких-то внешне данных средствах, были бы просто потухшими сердцами. Сердце творит и средства. Но никакие средства в мире не могут создать сердце. Не трубы и литавры, не помпа выступлений окружают крепнущие дела культурные, сотрудничество духовное прежде всего создает те твердыни, к которым не подступит никакая тьма. Эти маяки тепла и света достигнут лучами своими не только друг друга, но благодать их проникнет даже и в темные расселины, где красота и знание лишь гости случайные. На пространствах, разделенных глубинами океанов и цепями хребтов, трудно встретиться. Особенно же трудно встретиться сердцам утонченным, стыдливым в исканиях своих и не всегда уверенным в силах своих. Но к маякам осветляющим, ко гнездам просвещения, к Лиге Культуры не жутко подойти ищущему сердцу. Там не засмеют, там не изгонят, там не потребуют стигмат пошлости. Нельзя стеснять общества Культуры никакими заказами и ограничениями. По огню сердца и по следствию дел обозначаются новые вехи пути.

Каждое древо должно расти. Вне достаточного времени не крепки будут и корни его. Потому утонченность сознания предполагает и терпеливость, чтобы строительные процессы протекали крепко, а связующие материалы избирались внимательно.

Если общества сразу могут иметь широкие выступления, лекции, курсы, концерты, выставки, пусть будет так. Если соединенный сердечными узами кружок будет даже продолжительное время собираться и без чая, для взаимоукрепляющей беседы, пусть будет так. Если будет сообщество искать новых выявлений сил своих, в поисках прислушиваясь и меняя ближайшие программы, — пусть будет так. Было бы неуместно для Культуры слышать обыденные жалобы на отсутствие средств. К огню в темноте подходят путники. Значит, нужно раньше возжечь

этот огонь, который привлечет к себе и все потребное для духа. Но в одном все общества должны помочь друг другу. Общество есть общение. А всякое разумное общение есть сотрудничество. Само понятие Культуры обязывает нас к этому сотрудничеству и к сильному светлым посевам. Было бы некультурно, если общества, связанные одной основной идеей, оставались бы все-таки разделенными границами и нациями. Распространение обществ во многих странах дает возможность необыкновенного и прямого обмена, как идей, так и всего творческого материала. Нужно не упустить эту возможность культурного обмена, помня, что над всеми нами одно знамя Культуры. Это знамя Культуры имеет в основе своей все лучшее, все устремленное к свету, все, желающее блага. Знамя Культуры все равно что знамя труда. Знамя беспредельного познания прекраснейшего! Какова бы ни была наша каждодневная рутинная работа, мы, отойдя от рабочего станка, омываемся, стремясь на праздник Культуры. Сойдутся ли в этом празднике трое или соберутся тысячи, это будет все-таки тот же праздник Культуры, праздник победы духа человеческого. Но как же будет окрылен праздник наш, если к нему подойдет и письмо от далекого незримого друга! Ничего, если письмо это начнется признанием в том, что трудно нам сейчас. Кому же легко! И всякая мысль о культуре не балаган с присвистом, с пьяной гибелью. Но мы знаем, что каждое письмо этого незримого друга окончится чем-то радостным во имя Красоты, Знания, какой-то новой победы света. И написавший письмо будет знать, что не в холодном постановлении заслушали боли его сердца, но трепет его исканий был осочувствован и укреплен в сознании его друзей-сотрудников.

Словарь клеветы, злобы, взаимно- и саморазрушения кажется, наконец, опротивел. Кажется, наконец, вспоминают, что в словаре Прекрасного так много увлекательных, возводящих, созидательных понятий. Да и практичен он, этот словарь Прекрасного, ибо он жизнен и прекрасна жизнь в существе своем.

Кроме письма, кроме зова сердца мы должны обмениваться и профессиональным творчеством. Из того, что сегодня какое-то предложение неисполнимо, еще не значит, что оно не будет исполнимо и завтра. Все мы знаем, что значит мощь мысли, положенная в пространство. Мощь стрелы духа! Но во сколько же умножится мощь эта, подержанная дружеским сознанием, и что же

может быть полезнее для Культуры, как не взаимное оповещение, следствием которого будет действенное сотрудничество.

Конечно, говоря о культуре, мы часто наталкиваемся на странное ограничение этого всепроникающего понятия. Часто с понятием Культуры ошибочно связывается представление о чем-то сверхобычном, почти недостижимом в сумерках обыденной жизни. Между тем как раз наоборот, культура тогда таковой в сущности и будет, если войдет во все дни жизни и сделается мерилом качества всех наших действий. Сколько зовов, ободрений, укреплений придется сказать во имя культуры. Сколько устремлений в будущее придется произнести. С ростом утончения сознания придет и вмещение и разовьется чувство ответственности. Станет ясным различие обыденности от каждодневности, и мысль обратится от дня вчерашнего к светлому завтра.

В непрестанном предстоянии мы избежим утомления и нисхождения. Для незнающих культуры бывает страшна каждодневность, между тем в ней выковывается совершенствование и восхождение. Утонченное сознание примет все трудовые века, как источник бесконечного творчества.

Завещание может быть кратко: «пылайте сердцами и творите любовью». Сколько добра принесете, приобщая вновь подходящих к миру Красоты. «Пойдемте вместе туда, где нет границ и конца. Где можно каждое благое мерцание превратить в сияние радуги благославения мирам».

Друзья, знаемые и незнаемые, видимые и невидимые, мне хочется послать вам не просто привет, но зов звучнейший о сотрудничестве. Мы можем к нему приступить немедленно. У каждого, стремящегося к культуре, велик запас идей, мыслей, предположений. Из этой сокровищницы духа многое и неотложно может быть применено, а другое найдет и кратчайший путь к применению. Лишь бы мы мыслили неуклонно, во благо, о культуре, и лишь бы мы помнили, что единение это должно быть полезно каждому. Никто не должен быть умален, ибо это было бы некультурно. Необозримое поле культурное имеет колосья для каждого жнеца, знающего, что такое труд. Во имя этого светлого труда взаимно обратимся друг к другу о сотрудничестве, оповестим друг друга о всем, что кто может, и будет помнить еще раз, что над всеми нами одно единое, нерушимое знамя культуры, ведущее в светлое будущее. Привет на сотрудничество!

КТО СПАСЕТ НАШИ ДУШИ?

О. Васильева, заведующая Нижневартковским музеем современного искусства.

В ноябре прошлого года в Нижневартковске открыт музей современного искусства — один из первых такого рода музеев в нашей стране. Создан он энтузиастами — коллективом лаборатории СХТО (службы художественно-технического обеспечения, в которой работают дизайнеры, художники, искусствоведы) и содержится за ее счет.

Лаборатория тоже появилась недавно — 3 года назад. А идея ее создания пришла так. Неравнодушный, неугомонный человек — журналист Ханты-Мансийского радио Галина Петренко организовала встречу художников города с журналистами и прямо спросила: не надоели ли художникам жить в таком сером, безликом городе?

И началось. Дружно ругали архитекторов, дизайнеров, художников, выдвигали проекты преобразования нашей ужасной среды обитания. Казалось — единомышленники! А когда выговорились, Галина Ивановна опять прямо спросила: так кто же возьмется за объединение? Тишина. Все — вот чудо! — опустили глаза. И только один Николай Георгиевич Переверзев, самый неприметный среди собравшихся, твердо сказал: «Я возьмусь за это».

Трудным было время организации, становления творческого объединения художников и дизайнеров города. Собирались несколько раз — опять предложения, разговоры, мечты, идеи. Появился оргкомитет. Мы поняли, что надо делать выставку, заявить о себе, а там видно будет.

И вот первая выставка. Многие художники приняли в ней участие — Н. Переверзев, Ю. Бычков, В. Веденеев, Ю. Модлинский, М. Глушкова и другие. Тогда же многие увидели своих товарищей другими глазами. Оказалось, что нижневартковские художники не знали друг друга.

Назвали свой союз «Движение», разработали эмблему. Душой этого объединения был Николай Переверзев — человек скромный, молчаливый, весь в себе. Но когда он впервые заговорил о своих мечтах, планах, я поразились и подумала: «Мечтатель! Еще хуже меня. Меня-то часто упрекают в мечтательности, но я женщина. А это глава семьи...» Переверзев говорил о том, каким он видит наш город, как можно его преобразить. Говорил, что надо всех руководителей предприятий пригласить в творческую лабораторию — познакомить с основами эстетики, искусства, дизайна.

Когда на наших встречах звучали какие-то резкие выпады, грубости даже, Переверзев оставался спокоен. Я спросила, почему он не остановит, не переубедит человека. Николай Георгиевич отвечал, что пусть все выскажутся, зачем останавливать. Меня поражала его терпимость к чужим взглядам, убеждениям. Давно я с этим не встречалась.

Со временем кто-то остался в этом союзе, кто-то ушел. На его базе была организована творческая лаборатория, которая занялась дизайном и стала содержать выставочный зал для художников. До этого в городе не было выставочного зала, приют художникам давал краеведческий музей.

Свою работу лаборатория начинала на пустом месте. Заведующий городским отделом культуры Ю. В. Кузнецов выделил в общественном центре седьмого микрорайона помещение, поддержал морально. Но не было материалов, средств. Было только большое желание преобразить город, найти свой стиль, свое лицо, работать творчески.

Нелегким делом оказалось переоборудование обычного спортивного зала в площадку для экспозиций. Часто работали бесплатно, очень часто. Трудно складывался коллектив: кому-то срочно надо было заработать деньги, кто-то не видел перспективы, кто-то не хотел на свои средства содержать выставочный зал. Да, это сложно — работать на перспективу, а не для сегодняшнего дня, не все это могут понять. И люди уходили. Остался Переверзев и еще несколько человек. Переверзев вел работу старшего художника.

Постепенно, медленно лаборатория крепла. В то время, когда ее директором была Н. А. Гасникова, решили на базе лаборатории открыть музей современного искусства. К этому времени Владимир Айвазян — заслуженный деятель Армянской ССР, член Союза художников СССР, известный советский график — подарил городу 49 своих гравюр. Подарил не случайно. Мы обратили на него внимание, предложили устроить выставку в Нижневартовске, три года не прекращается оживленная переписка с художником, отношения сложились самые теплые. Гравюры Айвазяна и составили основу коллекции музея.

А художники лаборатории СХТО продолжали содержать выставочный зал, в котором теперь расположился и музей современного искусства. Группа дизайнеров во главе с Николаем Переверзевым выполняет оформление каждой новой выставки, постепенно изготавливает музейное оборудование.

Лаборатория открыла воскресную эстетическую школу для 5-6-летних детей, различные художественные курсы. Среди них выделяются художественно-оформительские, окончив которые 20 человек получили удостоверения художников-оформителей.

В этом году работать стало намного сложнее. В 10 раз увеличена для лаборатории арендная плата, все подорожало. И коллектив ищет новые пути своего выживания и развития. На одном из собраний Ольга Станиславовна Ермолаева, которую коллектив избрал своим директором, поделилась планами. Проанализировав и взвесив все, коллектив решил, что три подразделения — музей, школа искусств и художественные мастерские могут существовать как Союз самостоятельных хозяйственных организаций.

Музей продолжает свою научную, просветительскую и выставочную работу, а также благотворительную деятельность. Ведь музей создан и существует только на пожертвования. Художники отчисляли деньги на содержание. В. Айвазян подарил свои работы, стали поступать книги, картины со всей страны — их посылают в дар музею друзья Владимира Тиграновича, искусствоведы, художники. И, конечно, коллектив музея благотворительность ставит на одно из важных в своей работе мест. Мы начали читать лекции по искусству для общества незрячих, для ветеранов Великой Отечественной войны, жителей национальных сел. Планируем сделать постоянными благотворительные лекции в городских больницах.

Мы готовы сотрудничать с любыми музеями и частными коллекциями нашей страны и других стран. Недавно наш музей современного искусства сделал свой первый подарок этнографическому музею города Варшавы. Мы подарили им хантыйскую берестяную коробочку. У нас такие экспонаты есть, а в этнографическом музее Польши не было ничего из Сибири.

Вот это доброе чувство, которое вкладывал Владимир Тигранович Айвазян в создание коллекции нашего музея — оно отзывается, сказывается на характере нашей работы.

Когда-то моей мечтой было создание городского бюджетного музея. Но такой возможности не было, а теперь и возможность появилась, но хозрасчет дает большую свободу хотя и большую ответственность. Нижневартовск — город с 300-

тысячным населением и самостоятельный музей «не положен», только филиал Тюмени, а это значит — несвобода.

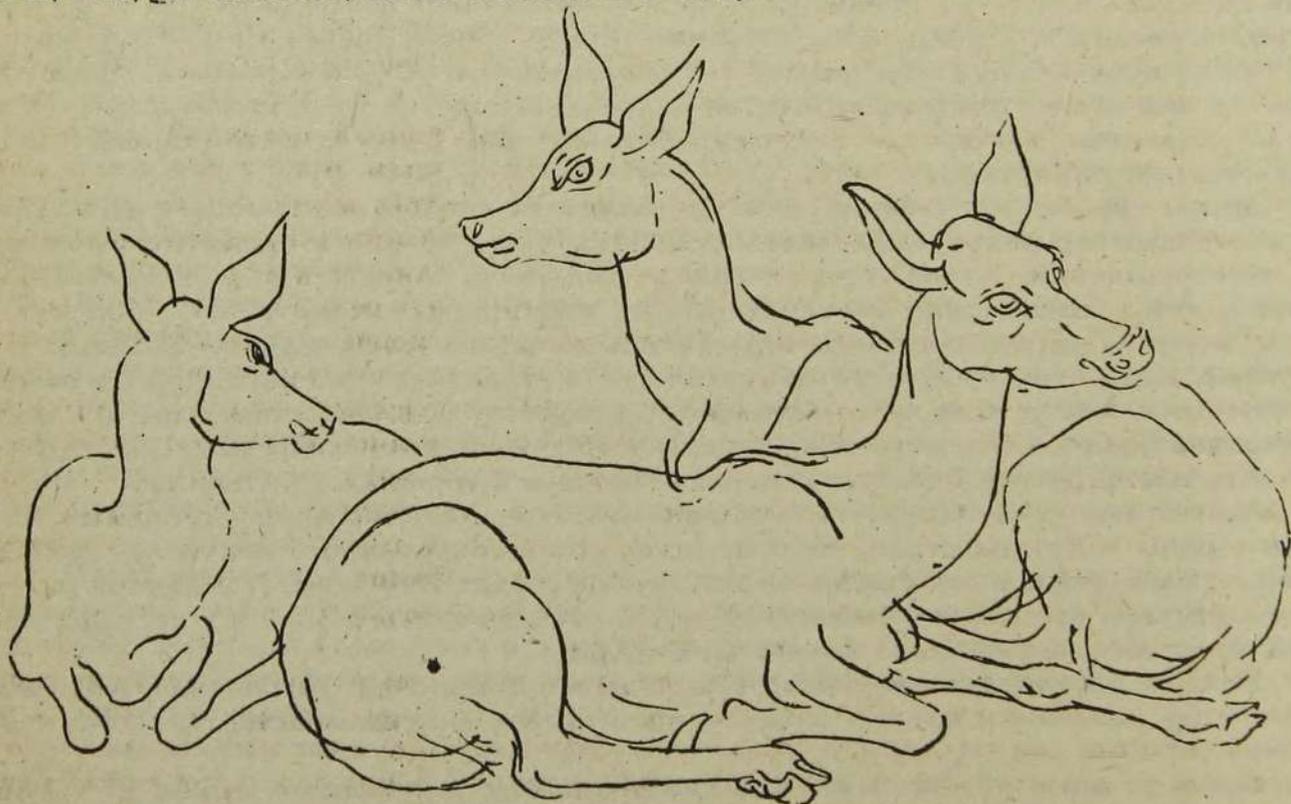
Недавно Владимир Тигранович прислал еще 146 своих работ и просил считать это только первым шагом по пути создания музея. 15 мая, в день рождения художника, мы открыли персональную выставку, составленную из этих работ.

Чувство благодарности к большому художнику, другу музея, заставляет меня подробнее рассказать о нем. Владимир Тигранович Айвазян родился 15 мая 1915 года в селе Пор Даралагязского района. Он рано остался сиротой, учился урывками. С 1932 года начал работать на строительстве ГЭС. Впервые стал заниматься изобразительным искусством в 1934 году: скульптурой, позже — графикой. С 1940 года Владимир Тигранович служит в Красной Армии, затем участвует в Великой Отечественной войне.

В 1946-1948 годах он живет в Москве и посещает художественную студию при Доме армянской культуры. В 1948-1958 годах — в Ереване, работает учебным мастером гравюры в художественно-театральном институте. Владимир Тигранович и сейчас живет в Ереване, продолжает активную творческую работу, занимается графикой, живописью, пишет стихи.

Получив первые сорок гравюр Айвазяна, работники выставочного зала выступили с лекциями о творчестве художника на предприятиях, в школах, национальных поселках. В эти дни Владимир Тигранович писал: «...прошу Вас, работами распоряжайтесь по своему усмотрению. В сроках Вы не ограничены. Чем больше доставят мои работы радости людям, тем сильнее буду чувствовать свою причастность к большому, красивому, хорошему.» И лекции проходили с большим успехом.

По нашему замыслу, графические листы должны вступать в прямой контакт со зрителем, без посредников. Искусствовед только знакомит с жизнью художника и высказывает свое впечатление от его творчества. А затем в полной тишине звучат названия графических работ, которые выставляются на мольберте. Искусствовед советует общаться с работами мастера неторопливо, отключившись ото всех суетных мыслей, настроившись на «волну» художника. И общение происходило — лица людей светлели, глаза становились задумчивыми.

Владимир

Это удивительно — ведь про работы В. Айвазяна нельзя сказать, что они просты для восприятия. И все же эти неискушенные зрители не могли оторваться от гравюр художника из Армении. Например, после лекции в школе милиции, курсанты долго рассматривали работы, попросили оставить еще на три дня. Пришлось это сделать, ведь есть письменное разрешение художника на самые различные типы «встреч» его работ со зрителями. И я знаю, что замполит школы милиции написал Владимиру Тиграновичу потом восхищенное письмо.

В этом году В. Т. Айвазяну исполнилось 76 лет. Большую интересную жизнь он прожил. В каждом письме — воспоминания, раздумья о судьбах искусства и собственные творческие планы.

Переписка сохраняется и теперь, когда в городе открылся музей современного искусства. Много ценных советов дал Владимир Тигранович. Вот что он писал 1 марта 89 года: «Бесконечно рад узнать, что у вас теперь свой выставочный зал, по-видимому, не за горами музей. Позвольте поделиться с Вами некоторыми мыслями. У меня есть старший друг (создатель картинной галереи в Ереване Рубен Григорьевич Драмбян. — О. В.). Ему скоро исполнится 98 лет. Это один из самых благородных людей в самом высоком смысле этого слова. Он из очень богатой семьи... Меценат. Субсидировал камерный театр Таирова. Был дружен с Александром Бенуа и многими другими выдающимися деятелями русского дореволюционного искусства. Много жил в Европе. После революции работал заведующим запасника Русского музея... Дважды мы вместе отдыхали в Гурзуфе и на Сенеже. Жили в одной комнате. По вечерам он делился со мной своими воспоминаниями. Это очень, необыкновенно интересное время, пережитое мною. «Шехерезада» да и только. Когда после революции и установления Советской власти в Армении началось культурное строительство, Мартирос Сарьян стал настойчиво приглашать его в разоренную страну... Он приехал, был назначен директором музея, на голом месте, благодаря своим связям, обаянию (ему никто не мог отказать в просьбе), а также благодаря исключительно редкому таланту музейного работника (подчеркнуто автором письма. — О. В.) Он создал великолепную картинную галерею. В мире за все существование человечества можно насчитать десять великих художников, писателей, скульпторов, композиторов, поэтов. Но нельзя насчитать и пяти великих скрипичных мастеров. Страдивари, Гварнери, Амати — вот и все.

Я убежден. Глубоко убежден, что настоящий музейный работник — это Божий Дар, который должен от природы обладать целым рядом талантов. Это встречается редко. Очень редко. Мой добрый друг работал в галерее 25 лет, пока не произошел крупный инцидент. Во время празднования юбилея Эрмитажа Армянский ЦК принял решение подарить Эрмитажу единственную резную дверь пятого века. Директор музея наотрез отказался выполнять решение ЦК. А это было при Сталине. Вы понимаете, что грозило ему. И тогда первый секретарь приехал в музей, чтобы с треском выгнать его, беспартийного, осмелившегося на такой беспрецедентный шаг. Когда первый секретарь произнес грозную тираду, мой друг его выслушал, достал из бокового кармана свернутый лист бумаги и произнес: «Успокойтесь! Вот мое прошение об отставке. Я не могу быть преступником перед своим народом!» У первого секретаря, к его чести, хватило мудрости выслушать неоспоримые утверждения об ошибочности такого шага. На вопрос: «Что он предлагает?» последовал взаимоприемлемый компромисс, который делал почетным выход из ситуации, не нанося ущерба национальному богатству, культуре Армении. Компромисс был принят...»

И далее В. Айвазян рассказывает, как после ухода на пенсию Драмбяна приходили и уходили новые директора музея, которые не были специалистами своего дела. Один раздарил кузнецовский фарфор, другой очистил музей от «вредных» художников — Филонова, Кандинского, Ларионова, третий был «милым» человеком и умел делать ремонт...

Владимир Тиграпович продолжает: «Почему все это я пишу Вам?.. Надеюсь, что вскоре Вы получите здание для галереи и начнется его строительство, наполнение духовным содержанием. Совершенно естественно, сейчас Вам никто не даст их, просто почти нет музейных работ художников не только дореволюционных, но и первых лет революции. Поэтому нужно сразу же ставить акцент на современное искусство. Мои добрые пожелания, над которыми, надеюсь, Вы подумаете.

Первое — не давайте «a priori» никакому направлению. Старайтесь приобрести различные школы, направления и т. д. Главное — качество.

Второе — не спешите заполнить все стены. Оставьте резервные площади, т. к. повесить работу легко, а попробуйте ее снять.

Третье — если работа с художественной точки зрения интересна, пусть Вас не гипнотизирует имя. Если вещь слабая, откажитесь от нее, т. к. у Вас будут очень ограниченные материальные ресурсы, постарайтесь их истратить разумно.

Если мое здоровье позволит, то что-нибудь постараюсь предпринять, дабы быть полезным Вам...»

х х х

Очень теплые записки в «Книге отзывов» оставляют нижевартовские зрители, иногда это целые послания к художнику. Нет людей равнодушных на выставке гравюр с такими, казалось бы, простыми, каждодневными сюжетами жизни.

Видимо, сегодня, когда суета окружила нас со всех сторон, проникла в души, очень нужно людям такое настоящее, серьезное и глубокое раздумье художника о жизни, Вечности, о людях. Может быть, это один из ответов на вопрос, почему мы с таким благоговением подолгу стоим у графических листов этого мастера.

КОРНИ НЕ ДОЛЖНЫ СОХНУТЬ

В первом номере мы напечатали несколько ответов на вопросы анкеты, которую редакция распространила среди работников культуры, будущих читателей журнала. Продолжаем публикацию ответов и напоминаем, что предложены были следующие вопросы:

1. Ваша оценка состояния культуры округа. 2. Каковы цели культурного развития в специфических условиях нашего округа? 3. Что можно сделать средствами культуры для достижения целей перестройки? 4. В чем Вы видите призвание интеллигенции округа?

Ю. Гордеев, биолог.

В округе в настоящее время материальная и духовная культура коренного населения находятся в своеобразном разобщении. Это вызвано, с одной стороны, быстрыми хозяйственно-экономическими изменениями (всего за 25-30 лет) и, с другой, демографическими, причем, все происходит в специфических условиях Севера.

Специфика края в первую очередь проявляется в природе с ее суровым климатом, однообразным ландшафтом, воздействующими на эмоциональную сторону духовной жизни и приводящими к определенной «сдержанности» ее. Вторая специфика края, повлиявшая на развитие культуры, это большая удаленность от всех древних культурных центров. Третья особенность связана с хозяйственной деятельностью рыбака и охотника, требующей больших территорий и как результат-племенного разобщения, что влияло на выработку общих культурных традиций, а при отсутствии письменности — к потере некоторых их сторон. И четвертая — мощное воздействие других культур и традиций, связанное с демографическим фактором — приездом большого количества мигрирующего населения. При этом следует отметить, что приезжее население в основном молодое, с еще не устоявшимися культурными традициями.

В таких условиях очень важно было бы усилить внимание к сохранению остатков культурных традиций, особенно в природопользовании, в местах проживания коренных жителей, собрать как можно больше материалов по духовной и материальной культуре, в том числе и рукописных, архивных — не только в округе, но и в Тобольске, а также в центральных и зарубежных музеях.

Н. Жигалова, воспитатель семейного детского дома.

Может сложиться такое впечатление, что хорошие писатели, поэты, публицисты, политологи, критики есть только в Москве, Ленинграде, вообще в столицах. А ведь у нас в Сибири люди тоже не лыком шиты, есть и здесь таланты. Но пробиться им в столичные журналы невозможно. А оттого, что им нет выхода, культуре округа наносится, я бы сказала, двойной вред. Когда человек не может осуществлять то, на что он способен, он часто опускается, спивается. А во-вторых, он не сказал людям что-то важное, и мы остались обделенными. Поэтому создание журнала можно только приветствовать. Я живу в округе семь лет и не считаю себя нелюбознательным человеком, но не знаю, что представляют собой Нижневартовск, Нягань или Ханты-Мансийск. Журнал сможет нас не только информировать, но и сплотить, сдружить.

Мне кажется, каждый человек, считающий себя интеллигентным, должен сделать все, что может, чтобы хоть немного осветить возле себя темное пространство. Призвание интеллигенции — нести вот этот свет. Но должна сказать, что я не раз пыталась организовать и сама разные интеллигентские затеи в городе, участвовала в деятельности клубов, кружков и пришла к выводу, что интеллигенции у нас мало. А для нашего края характерно еще и то, что здешняя интеллигенция живет на Севере как бы временно. И вот это придает особый трагизм развитию культуры в нашем округе.

О. Владимирова, искусствовед.

Сегодня культура держится на энтузиастах. Например, этнографический музей в национальном поселке Варьеган. Создал его своими руками охотник Юрий Кылевич Айваседа. Своим обаянием, связями он пользовался, когда договаривался об экспонатах. Расплачивался своими личными деньгами. А ведь его экспонаты — это избы, лабазы, меховая одежда, стоят они недешево. Сам Юрий Кылевич бессребреник, у него нет многого из того, что мы представляем необходимым для жизни. Но у него нет и того, без чего ему действительно трудно обходиться. Ему нужны хороший портативный магнитофон, видеокамера, кассеты, ведь Айваседа делает записи уникальных песен, сказаний. Да много чего еще надо Юрию Кылевичу и, наверное, есть люди, которые должны позаботиться об этом музее и об этом человеке, потому что его можно отнести к разряду тех людей, которых в Японии еще при жизни официально называют «живое национальное достояние».

В Мегроне две прекрасные женщины, А. Мухаметова и В. Сподина, на пустом месте создали и этнографический музей, и выставочный зал, и художественную школу, и музей под открытым небом. Обе — учительницы, работали бы и работали в школе. Так нет же — у них экспедиции, поездки в национальные поселки, встречи, выставки, семинары. И они тоже нуждаются в помощи.

Наверное, не надо ждать сверху инструкций, а вот так, как эти люди, делать творчески свои дела. Много злобы, зависти в нашей жизни, но ведь, согласитесь, это оттого, что человек не смог раскрыться, расцвести. Когда человек счастлив — он не злится. Мало того, что жизнь тяжелая, еще и в душе нет свободы. Женщина не может быть творчески матерью; какое уж тут творчество, когда очереди все силы забирают. Учителю трудно стать творцом — у него программы и общие для всех учебники. У учеников нет выбора — учить надо все подряд... Но все же здесь, в провинции, мы больше верим в будущее возрождение культуры. Хотя города, особенно новые, такие, как Нижневартовск, сейчас интенсивно заполняются массовой культурой.

Во многих странах люди поняли, что надо беречь свою нацию, свою семью. У нас же все еще главным считают что-то другое. А жизнь одна. Она проходит, дети вырастают и никто им не объяснил, что ударить человека — грех, грязное ругательство — грех, предать — грех, бросить родителей — грех. Некогда прислушаться к себе, к своей тоске, некогда подумать, услышать чужую боль. Некогда остановиться и осознать свой грех и если не исправить его, то хотя бы покаяться. Нет и места, где бы человек мог побыть один, подумать о себе, постоянно рядом люди со своими заботами, раздражением, своими биополями.

Думаю, что наши музеи, картинные галереи смогли бы стать подлинными храмами искусства. Именно здесь можно побыть наедине с произведением искусства, с собой. Но как оформлены наши музеи! Дело упирается в средства и в отношение чиновников к музеям. Была я несколько лет назад в музее декабристов в Ялуторовске. Ведь святое место — домик декабристов, но оформлен он по-любительски, даже подписи к экспонатам сделаны от руки, никакой эстетики. И здесь уже думаешь не о тех энтузиастах, которые создали этот музей, а об отношении чиновников от культуры самых разных уровней. Или картинная галерея в Тюмени. Ее фонды находятся в подвале, где сыро и темно. А краеведческий музей в Нижневартовске — это первый этаж жилого дома, в котором жарко и влажно и, конечно, быстро портятся все экспонаты. Для такого города, как Нижневартовск, необходимо большое количество культурных учреждений, а даже кинотеатр и то один.

Очень важно обратить внимание на состояние кладбищ. Ведь издавна это место считалось у всех народов священным. Сегодня наши кладбища стали ухоженнее, но какие же одинаковые памятники, безликие. Безлики наши города, безлики квартиры, безлики и могилы.

Считаю, что интеллигенция в этой ситуации может сделать очень много, т. к. люди сейчас тоскуют по настоящей культуре, настоящему общению. Надо сделать так, чтобы каждый город, село были неповторимы архитектурно и культурно, как, например, в Прибалтике. Необходимо растить, беречь и лелеять свое «живое национальное достояние» — талантливых людей.

ГОТОВЫ ЛИ МЫ К ДИАЛОГУ?

Конспект разговора, состоявшегося в окружной библиотеке между заведующими отделами обслуживания читателей и библиографическим Марией Николаевной Мадьяровой и Неллей Михайловной Новиковой.

М. М.: Можем ли мы оказать влияние на читателя, нужно ли нам оказывать влияние на читателя? И готовы ли мы это делать? Какой-то контакт у нас с читателем есть. И вот, исходя из этого, мы и будем строить свою дальнейшую деятельность. Хотя, конечно, сейчас переосмысливаем и мы отношение к простым истинам, которые были для нас незыблемыми. Меня, конечно, многое смущает. Трудно определить, что будет с нами завтра. Но читателю надо тоже что-то говорить. Он ждет от нас этого слова. А мы... Готовы ли мы ему это слово сказать?

Н. Н.: У нас здесь собирали отзывы читателей перед тем, как ввести некоторые платные услуги. Писали, что библиотека — единственный светлый островок, в библиотеке другая атмосфера, не такая, как в магазине, в автобусе. Люди здесь забывают некоторые жизненные невзгоды. А в связи с платными услугами неизвестно какое отношение будет у читателей.

М. М.: Я все-таки считаю, что платные услуги — это приходящее извне. И мы все же побарахтаемся в этих услугах и будет отвергнута наша практика. Хотя я, конечно, вынуждена этим заниматься. Но, по-моему, это не самое главное. Все-таки читатель к нам продолжает идти за нужной ему книгой, и в условиях нашего города он еще хочет общаться с библиотекарем. Вы видели пример сегодня, когда читательница пришла. Я книги записала, а она еще хочет поговорить 10-15 минут. И беда наша в том, что мы как раз не всегда находим эти 10-15 минут, чтобы с читателем поговорить.

У нас, конечно, есть определенные формы работы, они давно сложились; правда, мы сейчас подвергаем их все ревизии и пытаемся на другом уровне уже с читателем говорить. У нас работает два клуба в библиотеке: «Литературные встречи» и для старшеклассников «Собеседник», где все-таки есть возможность поговорить о том, что тебя волнует. Клубы эти работают давно, стабильно, несмотря на то, что мы, отчаявшись, пытались их несколько раз прикрыть. А читатель все-таки не позволяет нам это сделать. Это, конечно, очень радует.

Долгие годы мы нарабатывали опыт и меньше всего заботились о том, нужно это читателю или нет. Сейчас прежде чем что-то провести, что-то предпринять, мы с читателем советуемся, даем ему на обсуждение те или иные варианты, хотим узнать его мнение. Другое дело, что читатель не совсем готов такой диалог вести. Одни охотно отвечают, другие игнорируют. И складывается впечатление, что условия города делают нас такими замкнутыми, консервативными. Но, с другой стороны, в этих условиях мы еще больше нуждаемся в общении. Все-таки мы живем, как одна маленькая дружная семья.

В этом году мы определили для себя приоритетные темы. Во-первых, предполагаем со своими читателями новое прочтение классики, потому что высказываются такие мысли, что именно в классике можно найти критерии для оценки собственных поступков, сверить жизнь с чем-то. Мы все нуждаемся в этом. Потом такая интересная для нас тема — вернее, для меня лично — поиски нравственных истоков. Я их нахожу для себя в какой-то степени в размышлениях об общечеловеческих ценностях. Что кроется за тем, что «Библия» названа вечной книгой? Наверное, это же не случайно. Мы сейчас на абонементе выставили подборку такой литературы, где в центре стоит «Библия». Хотим, чтоб читатели сами познали это. Возможностей, правда, нет. «Библия» выставлена с припиской, что на дом не выдается. Но тем не менее все, кто к нам в библиотеку в эти дни ходит, книгу в

руках держат. И вопросы потом, вероятно, появятся: могу ли я себя приблизить к тем нравственным критериям, которые в этой книге заложены? И стоит ли это делать?

Я считаю, что здесь есть еще одна маленькая ступенька, которую я для себя назвала «познание». Нам это сначала надо познать, в этом разобраться, а потом уже определить свое место в этом процессе.

Н. Н.: Дело в том, что нам еще очень многое менять придется в себе. И я, допустим, к этому не готова. Я тут больше уповаю на то, что мы, может быть, больше для себя получим, если ознакомимся с теми международными документами, которые закрепляют права человека. Всеобщая декларация прав человека, она у нас в стране была опубликована впервые официально только в «Новом времени», в 1989 году. Прошло несколько десятилетий прежде чем она у нас была опубликована. Между тем, она ратифицирована была государством. И вот сейчас тот информационный «иммунитет», который нам прививали, он, я думаю, сильно подорван за несколько лет гласности. И трудно сказать, что будет дальше. По крайней мере, те, кто эту информацию впитал и осмыслил, они, наверное, уже с этим информационным иммунитетом смириться не могут и будут его, очевидно, в себе преодолевать, получая информацию по другим каналам.

А у нас в библиотечном деле с этим посложнее. Ну, «Библию» приобрели, сборник из Риги прислан с международными правами. Очень много у нас осталось, естественно, пробелов, которые мы не успели восполнить, очень трудно верится в то, что мы это успеем. Но вообще-то это тенденция, я улавливаю ее в библиотековедении, в библиотеке с гуманным лицом. Ведь место той выставки, которую Мария Николаевна оформила о Христе, о богословии, занимала в свое время знаете какая выставка? — «В помощь сети политического просвещения». Мы от этих классовых интересов отказались. Нам позволили отказаться и как будто бы никто не пострадал. Я думаю, что ущерба не потерпели и наши читатели.

Но пойдем ли мы дальше по этому пути? Сейчас у нас открыта выставка «Газета как зеркало времени». Мы представили там свыше 40 изданий различного толка, начиная с газеты «Гласность» и кончая литовским изданием «Утренняя звезда». Сохранится ли такой плюрализм в дальнейшем? Я думаю, что о библиотеке с гуманным лицом можно вести речь только в условиях информационной свободы. И если такая свобода будет сохранена — это какая-то перспектива.

Думаю, что не тематика политинформаций нужна, а нужна вся полнота информации, которую мы могли бы предоставить читателю, исходя из наших возможностей — прежде всего материальных. Вы же понимаете, что подписка на «Коммерсант» (тем, кто знает это издание, знакомо чувство наслаждения от чтения этой газеты с ее прогнозами) обошлась недешево, ради нее мы отказались от каких-то менее значимых изданий. Мы выписали интересующие нас и наших читателей газеты, журналы. Ну, а долго ли сохранится такая возможность, я уверенности особой не питаю. Но я думаю, что глоток свободы, который мы вдохнули, он как-то еще будет питать нас.

М. М.: Если, конечно, читатель проявит интерес ко всем этим делам, то тогда, естественно, появится и стимул в работе. Мы, в конечном итоге, это делаем. Лично мне это интересно, но если не будет интересно читателю, то пропадет интерес и у меня.

Н. Н.: Информация не как самоцель, а как средство для любого из нас совершенствоваться, хотя я в совершенство не очень-то верю, но Марии Николаевне ее жизненный опыт позволяет в этом находить перспективу и смысл жизни.

М. М.: Нужна индивидуальная работа с читателями. Я, отчитываюсь в этом году за предыдущую работу, написала, что сейчас появилось больше возможности заниматься индивидуальной работой, потому что сейчас библиотекам перестали диктовать сверху, чем им заниматься. Написала и очень надеялась, что нас поддержат в методическом центре, который нам действительно все диктовал: делай то, делай это.

Теперь я выясняю: может, мы сами не готовы к этой индивидуальной работе?

«МЕНЯ ПОВЕЛА МЕЧТА»

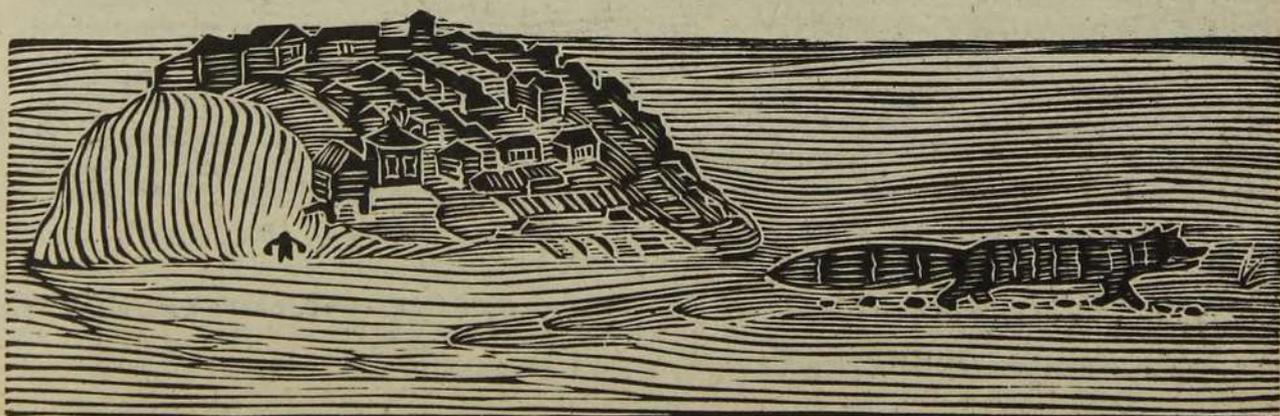
Средне-Уральское книжное издательство выпустило книгу «Хантыйские легенды», где впервые на обозрение широкого круга любителей искусства представлены графические и живописные работы художника Геннадия Райшева. Прекрасно исполненный в Германии альбом содержит репродукции 172 его произведений.

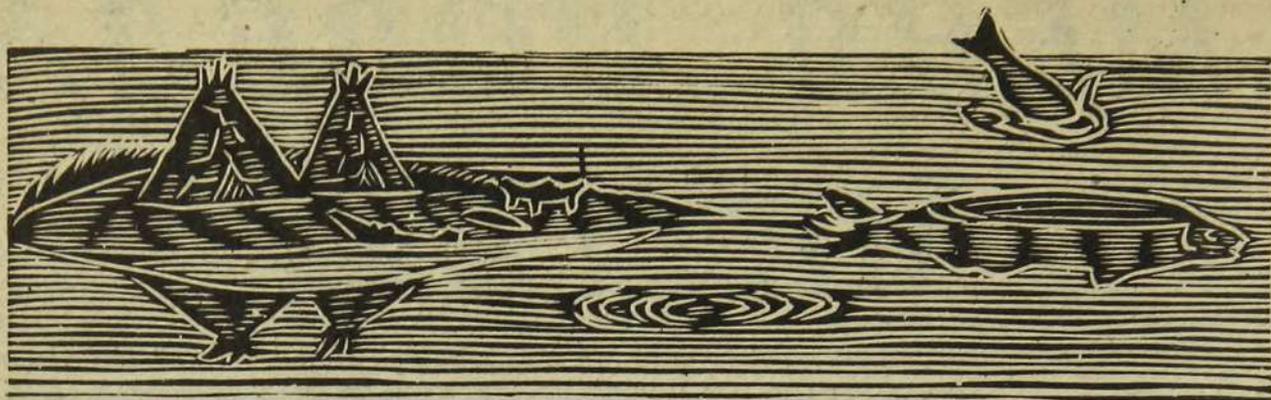
В мир образов Геннадия Райшева, в чьем творчестве переплелись хантыйская и русская культура, вводят читателя искусствовед Галина Голынец статьей «Музыка пространства» и писатель Еремей Айпин очерком «Гром-Старик». Г. Голынец обозревает этапы становления и развития художника, объясняет зрителю сложное и одновременно простое содержание полотен Райшева, считая его прямым наследником народных резчиков по кости, дереву и бересте, мастериц меховой мозаики и шитья бисером и выросших из их среды ненецкого живописца

Тыко Вылко и нашего земляка Константина Панкова.

Завершают текстовую часть книги раздумья художника о собственных творческих исканиях, названные «В картине должна быть тайна» — простое, искреннее повествование о том, как он шаг за шагом приходил к самому себе, о пути к художественным открытиям, который никогда не кончается. Это открытый для публики акт самопознания творящего человека, постижение феномена собственного творчества изнутри, выраженное в концентрированном виде простым, не «философским» языком. Райшев открывает себя одновременно и самому себе, и зрителям, к которым обращается со своих полотен, и собратям-художникам, он здесь максимально открыт, хотя и сдержан в выражении чувств.

Неисчерпаемый материал для раздумий содержится в рассуждениях художника о творчестве и

искусстве, их сопоставлении и противопоставлении. Конечный результат их изложен в виде лаконичной словесной схемы; за ней виден тот же метод, что и при создании картин — доходить всегда до всей мыслимой простоты — до знака, до чистого музыкального тона.

Статья художника заканчивается следующими строчками:

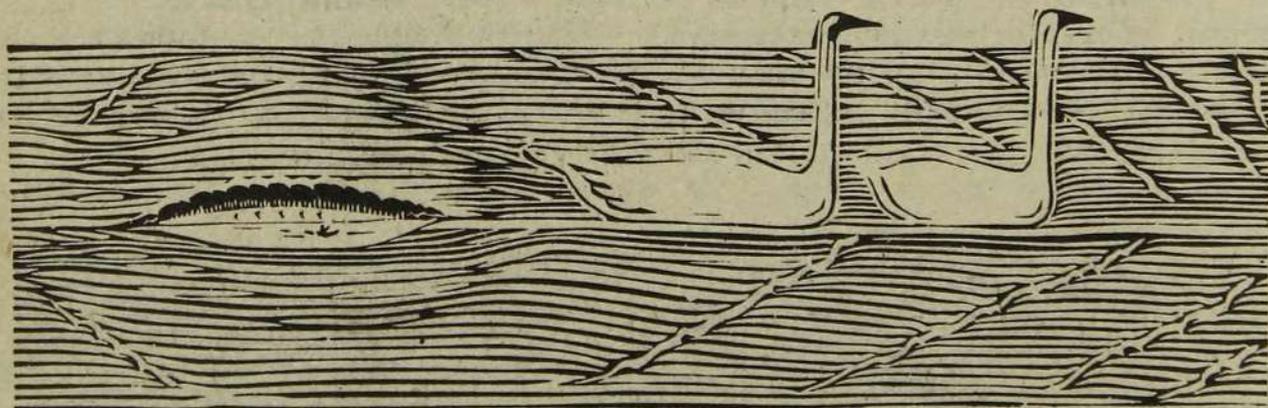
«Художник должен будить в других стремление к творчеству. Оно — реактор жизни. В ком работает этот реактор, того не надо веселить и занимать. Он лишен скуки, всегда бодр и деятелен. Таким я вижу человека будущего.

Рано или поздно художник становится перед выбором, как витязь

на распутье, и он, конечно, волен идти любой дорогой — тореной дорогой знаний и умений или дорогой знаний, умений и мечты. А можно идти на гулкий далекий звук голоса кукушки по бездорожью, ловить Синюю птицу — мечту.

Меня повела мечта, мечта как вымысел, сон, сказка, как необыкновенное отражение жизни. Удивлен! Но нет средств, равных для выражения, и я их ищу. Поиск продолжается. Он бесконечен, хотя я всегда думаю о конце. Это и ведет человека по пути творчества. И я иду с надеждой и мечтой».

Уверены, что книга «Хантыйские легенды» станет событием в духовной жизни нашего края.

На стр. 15-16 — графические работы Г. Райшева из серии иллюстраций к книге З. Соколовой «Страна Югория».

У ВОЖДЯ ДЛИННАЯ КОСА

3. Соколова, этнограф

Научная командировка группы ученых, членом которой была и я, проходила по плану научных обменов, обусловленных соглашением между правительством Канады (департамент по делам индейцев и развитию Севера) и Академией Наук СССР. Целью сотрудничества (и данной поездки) было изучение проблем социально-культурной адаптации коренных жителей Севера к современным условиям жизни в связи с интенсивным развитием северных регионов. Программа была весьма насыщенной и интересной. Группа посетила четырнадцать городов и поселков, осмотрела около 30 различных объектов, состоялось более 20 встреч членов группы с коренным населением Канады, вождями племен, мэрами городов и поселков, членами советов общин и муниципалитетов, сотрудниками правительственных, научных и музейных учреждений.

В состав Северо-Западных территорий входит основная часть северной части Канады. Территория управляется правительством этой административной единицы, во главе стоят мэр и Совет общины. В административных центрах регионов-поселков имеются региональные советы, члены которых выбираются. От каждого региона избираются представители в законодательный орган Северо-Западных территорий — Законодательную ассамблею сроком на два года. В числе сотрудников исполнительного Совета есть представители коренного населения, вплоть до министров, но большинство — из белого населения.

В программе территориального правительства — обучение коренного населения экономической независимости, навыкам независимой жизни, а также расширение экономического развития с помощью самих аборигенов через пособия и займы, особенно в нефтегазовой промышленности, туризме, искусстве, кустарных промыслах. Искусство и сувениры дают 25 миллионов долларов финансовых поступлений.

Значительная часть коренного населения занимается кустарными промыслами, изготавливая сувениры и предметы искусства. В некоторых поселках они дают основную прибыль населению (в пос. Инукдживак — 2 миллиона долларов в год). Промыслы основаны на традициях (шитье одежды, обуви, вышивка, искусство резьбы по кости, мыльному камню), но в значительной мере модернизированы. Так, скульптура из мыльного камня, кости, традиционно мелкая, сейчас представлена крупными предметами современного искусства, очень часто посвященными не совсем традиционной тематике. Одежда, обувь (парки, мокасины, тапочки, рукавицы, перчатки) также модернизированы, используются нетрадиционные материалы. Появилось много новых форм: меховые мозаичные и из тканей аппликативные коврики, фигурки животных из нерпичьего меха, украшения из кости, бисера, сумки, панно с цветами, вышитые иглами дикобраза и др.

Организация кустарных промыслов поставлена на промышленную основу: существующие предприятия и компании, в том числе и принадлежащие аборигенному населению, имеют на учете все населенные пункты и живущих в них мастеров. Так, например, центров только эскимосского искусства учтено свыше сорока. В городах, аэропортах имеются специальные магазины-салоны, где продаются все эти изделия, имеются каталоги, много различных ярких и красочных, прекрасно изданных альбомов, буклетов. В качестве символов арктического Севера Канады как изображения предметов искусства, так и северные пейзажи, фотографии животных, птиц, рыб, сцен охоты и рыбалки украшают все рекламные проспекты, журналы.

На основе кустарных промыслов и традиционных занятий созданы небольшие мастерские (нередко вместе с магазинами) по изготовлению парок, детских комбинезонов, палаток, сумок. Они выпускают вещи как почти полностью традиционные, так и стилизованные, разного качества и различных цен. Некоторые из них созданы правительством на государственные дотации, специально для обеспечения трудоустройства коренного населения.

Часть коренного населения занята обслуживанием туристов. Некоторые общины прорабатывают вопросы широкого развития туризма на своей территории. Развитию туризма на севере Канады большое внимание уделяют правительства — как федеральное, так и Северо-Западных территорий, особенно в связи с решением проблемы трудовой занятости населения и роста доходов (к 1995 г. планируется получение дохода от туризма в 100 млн. долларов).

Традиционная культура и языки эскимосов и индейцев сохраняются в разных регионах в разной степени. Повседневная одежда, обувь, как правило, уже покупные. Эскимосы Инукджиака шьют меховую обувь, но носят ее редко. Женщины носят парки с россомашьим воротником-капором. Распространены эскимосские парки специального покроя для ношения на спине ребенка. Некоторые охотники держат ездовых собак.

В питании присутствуют традиционные продукты: мясо и жир морского зверя, мясо карibu, сырая красная рыба. Сохраняются и поддерживаются фольклор, горловое пение, игра на бубне, варгане, декоративно-прикладное искусство. На домах у индейцев часты олени или лосиные рога, даже на церковных зданиях в Аклавике и Тактояктаке.

Индийские вожди поверх покупной одежды носят замшевую куртку, украшенную бахромой и вышивкой бисером — более модернизированной, чем традиционной. У вождя Р. Фабиана из Хэй Ривер традиционная прическа — коса. Женщины носят детей за спиной, используя кусок ткани и традиционный пояс, украшенный бисерной вышивкой. Многие носят тапочки из оленьей замши с бисерной вышивкой. В Форте Макферсон индейцы украшают женские платья орнаментальными полосами в эскимосском варианте (шитье иглами дикобраза утрачено).

Во всех поселках, кроме Дета, перед едой вожди или старейшины читают традиционную молитву. Среди эскимосов и индейцев распространены, в основном, католицизм и англиканство, посещают церковь 75% населения, остальные 25% в бога верят, но в церковь не ходят.

Урбанизация культуры, смешанные браки (например, в пос. Тактоякак их 30%) ведут к утрате традиционных черт культуры. Эскимосы и индейцы с сожалением констатируют утрату национальной культуры и стремятся ее сохранить. На это направлена деятельность различных обществ, корпораций, школ, культурных центров. В поселках Аклавик, этим, например, занимается специальная региональная группа. Поощряются и пропагандируются ведение традиционного хозяйства и образа жизни, ношение национальной одежды и обуви, танцы с бубном, сказки.

Об этом же заботится Региональная корпорация Инувалуитов (Инувик), культурные и лингвистические центры. Пять сотрудников культурного центра в Инукджиаке разрабатывают программы по изучению истории, археологии, языка эскимосов. Они готовят специалистов — археологов (в т. ч. и из эскимосов), собирают материалы по эскимосской культуре, разрабатывают программу создания в каждом поселке музея как центра культурной деятельности. Лингвистический центр в форте Макферсон разрабатывает программы сбора материалов по культуре индейцев (народная медицина, записи сказок и др.).

В школах существуют кружки, где девочки учатся шить национальную одежду и обувь, мальчики обучаются традиционным промыслам. Везде пропагандируется культура, национальные сюжеты эскимосов, индейцев — в оформлении интерьеров школ, колледжей, культурных центров, мэрий, бюро и офисов. Это и национальные произведения искусства (скульптура, гравировка, коврики, панно.

рисунки, эстампы, плакаты, предметы традиционной культуры или их модели), и стилизации под типы или вигвамы общественных зданий. Выпускаются плакаты с фотографиями старейших, авторитетных представителей эскимосов, индейцев и метисов. В честь некоторых из них названы культурные центры (Аклавик).

Среди эскимосов и индейцев распространено двуязычие, но знание родного и второго языка различны. В поселках Инукдживак, Тактояктак в быту говорят на родном языке. Здесь стоит проблема овладения хорошими знаниями английского языка для получения места на государственной службе, особенно для продвижения по службе. Напротив, в поселках Аклавик, Арктик Ред Ривер, Форт Макферсон многие люди, особенно молодежь, не знают своего родного языка. Правительственные программы ориентированы на изучение английского и французского языка. Преподавание в школах идет, в основном, на этих языках. На родном языке идет обучение в нулевом классе (он здесь называется детским садом). В 1-2 или 1-4 классах в пос. Арктик Ред Ривер, например, язык индейцев лучше изучают один раз в неделю. Тем не менее вопрос, обучать ли родному языку в школе, остается спорным.

Но газеты, журналы, программы телевидения, библия издаются на родных языках. И индейский и эскимосский языки основаны на силлабике, но не везде. Например, в Форте Макферсон обучение языку индейцев лучше идет на основе латинского алфавита. Лингвистические и культурные центры разрабатывают методику изучения языков, выпускают различные пособия на двух языках, родном и втором, принятых в тех или иных поселках.

Культурный центр в Инукдживаке провел большую работу по изучению и восстановлению на большой территории Северного Квебека и Баффиновой земли инуитских названий селений (Инукдживак — бывший Форт Харрисон, Игалуит-Фробижер Бэй и др.). Сейчас он готовит опрос населения об изучении родных языков: разрабатывает анкеты, организует обработку анкет на компьютере, проведение совещаний по итогам опроса, готовит рекомендации правительству — как изучать языки, сколько это будет стоить и т. п. Финансируют эти работы федеральное и провинциальное правительства, корпорация Макивик, частные фонды.

Школьное образование проходит в средних (0-12 кл.), неполных средних (0-9 кл.), начальных (0-4 кл.), школах. Школьные программы разрабатывают специалисты из бюро и отделений Северо-Западных территорий или провинциального правительства, ученые, а также областные или региональные школьные советы родителей. Они предусматривают в программах как соответствие уровня развития детей и современного уровня науки и техники (компьютеризация, видеотехника и пр.), так и учет национальной специфики культуры.

По данным территориального правительства, у трети аборигенного населения уровень образования менее девяти классов. Хорошее образование уровня, необходимого для устройства на работу, имеют 18% эскимосов, 30% индейцев, 60% метисов, 90% некоренного населения. Введено обязательное образование с 6 до 16 лет.

Мы посетили две средние школы в городе Иеллоунайфе и поселке Инукдживак. Обе школы, одна городская, другая — сельская, поселковая, почти ничем не отличаются друг от друга ни по качеству постройки школьного здания, ни по интерьеру, ни по техническому оснащению (мебель, компьютерные классы, оборудование офисов — канцелярии, учительской, кабинетов и т. п.)

Следует отметить несколько моментов в системе школьного образования. Первое — небольшие по численности классы (в школе пос. Инукдживак по 18 человек), на 300 учеников имеется 25 учителей и 7 советников, воспитателей — лиц коренного населения. Во-вторых, советники, как правило, имеют среднее образование, хорошо знают язык, культуру, обычаи коренного местного населения. Они помогают детям адаптироваться в новых для них условиях школ, применяя зна-

ния этнографии и психологии аборигенного населения. В их функции входят также сексуальное воспитание (с 12 лет), вопросы семьи (с 6 лет), работа со школьниками по борьбе с алкоголизмом, наркоманией. Время от времени они проходят курсы повышения квалификации в различных центрах.

Руководит работой школы не только директор (его функции ближе завучу в нашей системе), но и школьный совет, избранный из родителей учеников жителями поселка. Имеется также территориальный (региональный) школьный совет. Оба совета разрабатывают школьные программы для подготовки учителей начальных классов северного профиля.

В нулевом и первом классах преподавание идет на аборигенном языке, потом по выбору родителей — на английском или французском при сохранении преподавания предметов по культуре, религии и физкультуре на аборигенном языке. Как предмет, аборигенный язык изучается вплоть до 12 класса (3 урока в неделю).

В интерьере школы присутствуют плакаты, коврики, эстампы, скульптура, гравировка, витрины с экспонатами традиционной культуры. Везде на стенах висят рисунки детей.

Хорошо оборудованы классы трудового обучения — по механике, домоводству (кулинария, шитье), парикмахерскому, столярному делу, традиционным отраслям хозяйства (охота, рыболовство и пр.). Изготовленные детьми вещи продаются. На встрече с жителями Инукдждиака нас угощали вкусной пищей, приготовленной учениками и учителем домоводства. В этих классах могут заниматься и взрослые.

После средней школы можно поступить в Арктический колледж, где обучают самым разным профессиям. В Арктическом колледже Инувика — 100 студентов, 20 преподавателей. Много разных программ. Здесь же готовят к поступлению в вуз. Предусмотрено обучение и на местах, для этого необходимо иметь в поселке не менее шести студентов. 17 из 20 человек, как правило, заканчивают колледж. Набор в колледж идет по запросам общин на кадры той или иной специальности. Эти списки нуждающихся в обучении для работы определенного типа (по профессиям) составляют в управлении образованием территориального бюро. Эти бюро занимаются также образованием взрослых (в колледжах, на курсах), организуют население в связи с бизнесом.

В экономическом, социальном и культурном развитии аборигенов Севера Канады много проблем, характерных и для наших северных народов, в том числе урбанизация культуры, утрата ее национальных черт, языковая ассимиляция. Однако пути решения этих проблем в Канаде и СССР различны. Во-первых, промышленное освоение канадского Севера, научно-технический прогресс хотя и разрушают национальную культуру эскимосов и индейцев, но в то же время способствует в целом подъему их материального положения, улучшению технологии традиционных отраслей хозяйства, а также возрождению национальной культуры, языков аборигенов. На советском Севере этот процесс находится в самом зачаточном состоянии.

Во-вторых, федеральное и территориальное правительства в последние 15-20 лет уделяют больше внимания проблемам выживания и подъема благосостояния аборигенов Арктики, чем наше руководство в республиках, автономных округах, областях и краях. Канадское правительство, оказывая помощь аборигенам (финансовую, в организации образования, медицины, изучении их культуры), тем не менее старается воздерживаться от патернализма в своей политике и практике. Поощряется предпринимательство аборигенов в любых формах, создание компаний, корпораций, предприятий, а также различных общественно-политических организаций, ассоциаций, обществ, а в конечном счете — подъем национального самосознания аборигенов, в свою очередь способствующий росту их жизнестойкости, благосостояния. Думается, что положительный опыт канадского Севера должен быть изучен и может быть использован в наших условиях.

МАНСИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Е. Кузакова, кандидат филологических наук.

Я родилась и выросла в деревне Евре в Кондинском районе. В деревне этой преимущественно жили манси, несколько семей было русских. Наши манси издавна начали утрачивать национальные особенности, носили русскую одежду, жили в домах с русской печью, полатями, занимались огородничеством, хлебопашеством, держали домашний скот, но не имели оленей. Все это отложило отпечаток и на наше детство, увлечения и игры.

Любили мы ходить по пряслам (изгородь из жердей). Даже соревновались, кто дальше пройдет по жердочке и не упадет.

Девочки, особенно в раннем возрасте, сильно увлекались куклами. Их не было в магазинах, сами шили из тряпок. В игре в куклы девочками воспроизводились все женские домашние работы. Кукол мы брали с собой и тогда, когда матери вводили нас в поле. Родители занимались сельхозработами, а мы, малыши, у суслонов играли.

К национальным видам игр я бы отнесла игру в бабки. Наши отцы в основном были охотниками, добывали зверей, особенно много промышляли лося, которого мы называли сохатым. Костей от ног было много разных по длине и по весу. В бабки мы играли часто — и мальчишки, и девочки. В этой игре могут участвовать несколько человек.

Бабки ставятся в один ряд на некотором расстоянии друг от друга. Цель игры — как можно больше выбить из ряда бабок одним ударом панка. Панок — это наиболее высокая и большая бабка, залитая внутри свинцом для тяжести. Кто больше выбивал бабок, тот начинал следующую игру.

Среди наших игр были и такие, как прятки, жмурки, городки, игра в мячик, в лапту, в снежки, лепка снежных баб, ходьба на ходулях, катание на круговых качелях. Все эти игры, мне думается, не требуют комментария, они известны всюду. Не имели мы тогда никаких готовых игрушек, в том числе и мячей. Мячики мы скатывали из лошадиных волос.

Очень рискованная, но интересная была игра — катание на круговых качелях. На широком и свободном месте улицы или на площади взрослые мужчины ставили высокий столб, на верху которого была металлическая перекладина с четырьмя крюками. На эти крюки надевались толстые веревки с петлей на конце для сидения человека. Четверо садились в петли (они не затягивались), крепко цеплялись за веревки, а кто-нибудь из взрослых шестом, ухватив одну веревку, поднимал сидящего на ней все выше и выше. При этом перекладина на столбе крутилась, и все четверо быстро крутились на высоте, постепенно снижаясь. Размах, высота, скорость — дух захватывало.

В зимнее время мы очень любили кататься с гор. В конце нашей деревеньки была горка. Мы притаскивали туда сани или дровни, всей гурьбой садились в них, кто-нибудь оставшийся толкал сани вниз, и они катились. Затаскивать сани в гору

было нелегко, и тем не менее мы часто так катались.

Все мы, дети манси-охотников, умели ходить на лыжах. Не было детских лыж в продаже, их делали сами родители, а чаще всего мы пользовались охотничьими лыжами наших отцов. Такие лыжи подбивались шкурами, мехом, чтобы не было обратного скольжения.

Мой папа пророчил мне специальность охотницы. Я подражала ему. Зимой вставала рано утром, надевала охотничьи лыжи отца, через плечо перекидывала лук, брала в поводок собачку Красотку и обходила ближайšie к деревне поля. Возвращалась, когда уже был готов завтрак и горячий хлеб, испеченный мамой. Отец нередко брал меня с собой в лес осматривать слопцы на глухарей. И мы возвращались с ним, увешанные большими глухарями. Так он готовил меня в охотницы. Это было занятием и игрой.

Мы катались и на коньках. Они тоже были самодельными — из дерева, подбитого жестью для лучшего скольжения. К валенкам коньки привязывались веревочками.

Дети народов Крайнего Севера еще в недавнем прошлом играли в игры, имитировавшие главные занятия родителей: оленеводство, охоту и рыболовство. Очень рано детей начинали считать взрослыми; в 9-10-12 лет они уже помогали матерям в шитье мехов, собирании ягод и трав и т. п., мальчики — в ловле рыбы, бурундуков, добыче птиц, в оленеводческом хозяйстве. Не случайно, как свидетельствует литература тех времен, все они обязательно играли в «оленя»: езда на «олене», ловля «оленя» арканом (тынзяном, маутом), загон «оленей» в корали и т. п. Дети северян-олeneводов и теперь играют в «оленя».

В годы моей работы в Березовском районе у сосвинских манси была распространена добыча птиц перевесами. На два шеста надевалась сеть и высоко поднималась вверх на пути перелета птиц. Утки летели вверх, не подозревая на пути препятствий, и запутывались в сетке. Перевес снимался, из него выбиралась утка, и он снова поднимался вверх. Таким же образом шла и детская игра. Дети делали из старой мережи низенький перевес и загоняли в него «уток» — детей. При этом дети бежали, размахивая руками, как крыльями. Они тоже «не знали» о перевесе при своем «полете» и попадали в сеть.

Дети Севера — изумительные следопыты, знатоки природы; они будущие охотники и должны были учиться метко стрелять. Поэтому среди них была очень распространена стрельба из лука стрелами, а чуть повзрослев, они получали от отца настоящее ружье, чтобы стрелять в цель. Разумеется, много здесь игровых элементов, но опять-таки копирующих занятие отца. Это как бы «промысловые» игры.

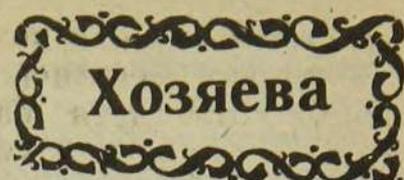
Дети северных манси всегда участвовали в медвежьих игрищах или плясках. Во время моей работы в Хурумпаульской начальной школе в 1943 году проводились медвежьи пляски в течение трех дней. Мои ученики весь первый день были на плясках и не приходили на занятия.

В годы, когда народы Крайнего Севера пользовались собачьим транспортом, ребятишки делали небольшие санки, сами впрягали в них своих любимцев — собак и отправлялись на «охоту» или на «рыбалку». Игра приучала детей к настоящим правилам езды и из них в будущем выходили хорошие каюры.

ЗЕМЛЯ

НАША

Л. Луцкай

ВЕЧНАЯ

От каждой деревни ждешь чего-то особенного, одной ей присущего, и не только в смысле местоположения природного. Большею частью ждешь особенного от жизненного уклада людей. Понятно, что несмотря на какие-то схожие стороны, все же каждая деревня на свой лад живет. Попадешь в нее зимой, обязательно приглядываешься к подходам у домов с улицы. Если расторопно, чисто и опрятно живут хозяева, то это сразу заметно по почищенным дорожкам, подметенным подворьям. Каждое крыльцо само за себя говорит. Весной свои приметы — снег торопятся счистить с дорожек добрые хозяева, прибрать полисадники, расчистить землю и дать ей волю. А про лето и говорить не приходится — в зелени такие дома, в цветах.

Может, и не первое это дело навести под окнами порядок, цветами да травами землю усеять. Забот всегда много в деревне. Что картошку посадить, что за коровой да другой живностью доглядывать — немалая забота. Но все же найдет хорошая хозяйка часок-другой и наведет красоту перед крыльцом — и себе на радость и всем, соседям, чтоб было любо поглядеть.

После большого трудного дня любит посидеть Владимир Кузьмич, подумать. И тут Юлия Михайловна слова не скажет мужу, пусть побудет ее Кузьмич сам с собой, это для него и передышка, и к новым делам мысли. Ясно, что вот так один не будет долго сидеть Кузьмич ее, заговорит, наконец. И тут Юлия Михайловна тоже с готовностью присядет рядом. Она такая маленькая росточком, быстрая, энергичная, на слово бойкая, а он — каждое дело подолгу обдумывает, но как-то враз, стремительно решает. Выслушает доводы его Юлия Михайловна и скажет: «Ну смотри, Кузьмич, смотри». Каких бы дел ни касались такие раздумья, все же привычнее Найдам о них вместе толковать. И так поговорят, посомневаются и по-другому подумают, глядишь — все уже решено, Кузьмич улыбается про себя, значит он уже знает, как поступить.

Перед моим приездом в Ягурьях к старикам Найдам лошади их сбежали с пастбища и стали лезть к неогороженным стогам. Лошади — хитрые, днем в лесу стоят, а ночью — к стогам подбираются. Владимир Кузьмич решил, что надо идти ночью ловить лошадей и снова на пастбище отгонять. Нелегко пришлось, но поймал, отправил на пастбище. Не успел передохнуть от беспокойной ночи, надо за другое дело браться. Раным-рано за сеном отправился (трактор, прошенный им накануне, именно к этому часу подогнал один из госпромхозовских механизаторов). Быстренько глотнул чаю с краюшкой хлеба и готов опять к работе старый солдат. Получился очень нелегким день у Владимира Кузьмича. Когда же он узнал, что дома гости ждут, пришел вскоре в избу и, будто извиняясь, заметил: при хорошей организации всей работы в домашнем хозяйстве (мужской, разумеется) всего-то на два часа. Это просто случайно сложившиеся обстоятельства. Но таких обстоятельств у него предостаточно. Мало ли нужно в доме, во всех пристойках мастерить, обновлять. Глаза видят, где что надо делать, а руки сами берутся за топорик, молоток, пилу.

— Мелкая работа всегда найдется, — говорит Владимир Кузьмич. — Только бездельник без работы сидит.

Давно заведенными порядками держится сельский дом: утром одна работа, в обед и вечером — другая. Все это не дает возможности расслабиться, поддаться своему настроению. Нет, нужно постоянно быть в ладу и с собой, и со своим здоровьем. Нужно знать, когда и что делать из больших работ, как время свое распре-

делить, силы. Пока на ногах старики, все ладится у них. Идет дымок из печной трубы, развеивает ветер постиранные полотенца да простыни, оплетают роскошные цветы стены дома и изгородь — значит все в порядке. Живут старики.

Владимир Кузьмич в штрихах обрисовывает, чем и как сам занимается, что тревожит его, какие проблемы возникают не только в семье, но и во всем поселке. Оказывается, очень непросто на селе и дрова заготовить, и землю вспахать, и урожай реализовать. Вот взять хотя бы заготовку дров для дома. «У нас такая местность, — рассказывает Владимир Кузьмич, — что водой надолго заливаются сора, поэтому нужно поторопиться с заготовкой дров и в марте их вывезти из лесу. Можно еще на начало апреля перенести вывозку, но позже никак нельзя. Транспорта маловато в отделении и тут уж можешь-не можешь, а в назначенное тебе время вывези дрова. Вывозим целыми хлыстами, только сучья обрубаем. А уж потом, когда удобно каждому хозяину, тогда и доводим, как говорится, дело до ума: распиливаем, складываем. Но эта работа всегда в удовольствие мужчинам».

В мае, когда начинаются огороды, свои проблемы возникают на селе. В поселке Ягурьях общее поле для всех. У кого пять соток, у кого семь. Владимиру Кузьмичу остался последний клин в 12 соток. Сначала подумал, что многовато, но не отказался. Огород ведь не только для своего стола. С огорода нужно и всю живность имеющуюся прокормить. Вырастить урожай дети помогают. Приезжают погостить, с делами огородными управиться, порыбачить. Рыбалка в июне здесь начинается. Кто ловит рыбу для себя, кто для производства. Здесь, в Ягурьяхе, ферма лисья, а для лис рыба — первая еда. Вот и стараются госпромхозовские рыбаки побольше запасти этого ценного корма.

Надо отдать должное Владимиру Кузьмичу Найде, он никогда не жил в своем поселке гостем, наблюдателем. Сейчас на пенсии, но как бы ни был занят домашним хозяйством, все равно найдет время на планерке побывать, в школу зайти, в детский сад — о нуждах расспросить, информацию получить из первых уст. Вся жизнь Владимира Кузьмича такая, что не отыскать в ней беспорядка, легкомыслия. С войны привык все делать надежно, и в мирной жизни своих принципов не рушит, как бы ни казались они старомодными, консервативными.

Идут по кругу заботы сельского жителя и нет им конца. Но ни одно дело не может наскучить хорошему хозяину. Он наперед знает, что завтра станет выполнять, что через неделю. А когда подходит сенокос или сбор ягод, тут уж торопится побыстрее с мелкой работой управиться, чтобы потом не накапливалось множество дел и одно не мешало другому. Да и на душе спокойнее.

Владимир Кузьмич любит и сенокосную пору. И ягоду берет ловко. Места все изучены им вдоль и поперек, из поселка в отпуск никогда не ездил, все отпуска в Ягурьяхе проводил. С 1968 года здесь он поселился, а до этого жил с семьей выше по реке Сеуль в поселке Тяутьях. Так что хоть охота, хоть ягода, хоть рыбалка — все для него дома, как говорит Владимир Кузьмич, за забором.

Хорошее место Ягурьях. Стоит поселок на высоком мысу, весной разливается река до самой Ендырской протоки, словно море. И не любить нельзя такую красоту, приумножить ее каждый стремится. Дома, если кто задумал строить, строят добротные и с большим вкусом снаружи их украшают. Может, поэтому в поселке светлые тона преобладают не только на фасадах домов, но и в настроении, в мыслях людей.

Владимир Кузьмич Найда себя крестьянином не считает, хотя из всех работ сельских, какие ему доводится выполнять, любит больше всего с землей возиться и хочет внедрить культуру земледелия. Будет культура земледелия — будет и отдача хорошая от земли. В чем-то он уже достиг прекрасных результатов, в чем-то пока еще на пути к успеху. Он верит, что на его земле можно вырастить все.

— Вы посмотрите на эту тыкву, — приглашает Владимир Кузьмич полюбоваться желтобокой преогромной красавицей.

Тыква весит 37 килограммов. А он хочет добиться, чтобы было не меньше 90, потому что это сорт из семейства тяжеловесов. А всего Владимир Кузьмич выращивает тыквы 17 сортов. Пробует всякие сорта, ему интересно, как какой сорт

поведет себя. Сейчас он пробует развести земляную грушу. Эта культура хороша тем, что дает и зеленую массу, и корнеплоды. С удовольствием едят земляную грушу и кролики, и свиньи, и утки. И людям полезны корнеплоды, особенно страдающим сахарным диабетом.

Растет на землях Ягурьяха и фисташка, растут и арбузы, и дыни. Сначала в теплицу высаживает их Владимир Кузьмич, а потом в открытом грунте зреют. Восемь сортов помидоров выращивают Найды, чтобы определить, какой же лучше, на чем остановиться, какие сорта уже можно рекомендовать соседям.

— В основном я только с этой целью и развожу интересующие меня культуры, — признается Владимир Кузьмич. — Много ли нам надо помидоров! Ну, ведро, два. Остальные не понесу же в магазин сдавать. Вон у крыльца стоят, приходите и берите кому надо.

А вот получить лучший сорт, хорошо хранимый, урожайный и с соседями поделиться такими семенами, опытом возделывания — это не только большое наслаждение, это постоянная потребность неутомимой души Владимира Кузьмича. Интересуют его очень малина, рябина, смородина, яблони. И выписывает он семена из разных концов страны, сеет, экспериментирует. У него растут айва и актинидия, китайское просо и люцерна. Если же перечислить все цветы, какие Юлия Михайловна высаживает, семена, какие выписывает, то перечень получится невероятным. И все это из теплых и добрых рук людей получает силу, укрепляется в северной земле. И, чтобы укрепилось самое несеверное, самое теплолюбивое растение, готов Владимир Кузьмич ходить за ним, как за малым ребенком. Но, конечно, и практический смысл видит он в своей агрономической деятельности.

— Мы, сельские жители, должны сами себя прокормить, — говорит Владимир Кузьмич. — Каждый должен что-то посадить и не побираться. Вот я держу свиней — им надо и картофель, и брюкву. Поэтому я землю хочу засадить с пользой. Знаю, что хороший урожай дают брюква, турнепс, тыква. И я подсчитываю, сколько могу получить корнеплодов, на какое количество животных хватит урожая. И рассчитывать надо не только, к примеру, на шестерых свиней, но и на приплод. Вот я вырастил в прошлом году 3 тонны 200 килограммов картофеля. Конечно, много свиней этим не прокормишь. Так что по земле, по кормам и нужно свое хозяйство вести. А как по-другому!

Юлия Михайловна слушает своего мужа и как будто только сейчас его узнает. Смотрит она на него с большим уважением. И ко всякой затее Кузьмича относится серьезно. Ей тоже все интересно, все любопытно. Вообще, конечно, гармония необычайная в семье Найд. Владимир Кузьмич с неменьшим любопытством за цветами Михайловны наблюдает. Любуется ими, хотя он очень сдержанный человек по натуре, лишнего слова не скажет. Но по глазам видно, что значит для него земля.

Юлия Михайловна с нетерпением ждет, когда же школу в поселке построят. Я спросила, почему так хочет она этого, ведь дети давно выросли, а внуки живут тоже не рядом.

— Хочу половину своих цветов детям отдать. Пусть будет у них теплица, пусть цветы и деревья украсят весь двор, завьют стены и окна. Пусть дети красоты побольше видят. Тогда и души у них будут красивыми. Я в своей жизни видела много замечательных мест, очень хочу, чтобы и местные ребятишки хоть бы в детстве пожили в сказке.

Велико желание Юлии Михайловны. И вместе с тем очень буднично. Есть идея, есть земля, есть уже семена — нужно просто взяться за работу и посадить свой сад. Но есть еще много самых неожиданных и самых несовместимых желаний в этой хрупкой маленькой женщине. Отчего же в ней уживаются и романтические идеи и совсем обычные, земные! Ответ прост, и дает этот ответ жизнь. Жизнь, какая она есть в поселке, когда и печку надо топить, и воду из речки носить. А не принесешь, цветы да грядки не польешь — красоты не вырастишь на своей земле.

Живет желание в Юлии Михайловне как-нибудь приобрести козу. Коровушку трудноато держать старикам, а коза — вот она, всегда рядом с домом, и молочко

ее вкусное да полезное. Овец в поселке начали держать. Польза от них небывалая. Женщины все прясть научились, проблем с носками никаких — вяжут и малым, и старым. И вообще вязаньем да вышиваньем в Ягурьяхе все живут. И такие чудные вещи делают, каких нигде в округе не купишь. Глядя, как Михайловна вяжет, вышивает в долгие зимние вечера, Владимир Кузьмич решил попробовать себя в рисовании. Получается. Сейчас уже не одна кухонная доска Юлии Михайловны разукрашена птицами, цветами. Да, красивое всегда человека возвышает. И если бы это было не так, не стала бы столь настойчиво Юлия Михайловна мысль одну вышивать. Уж очень ей хочется, чтобы однажды остановился около их поселка теплоход и пригласили бы туда всех жителей на картины полюбоваться. На целую выставку. Ведь ребяташки многие не видели ни полотен известных художников, ни даже их репродукций. А посмотрели бы живопись... Господи! Это же какую красоту бы они увидели. Это же полное перерождение души происходит от прикосновения к прекрасному. Почему-то уверена Юлия Михайловна, что только красота, наполненность духовная может поднять человека над всем будничным, над всей нашей суетой.

— Ну, если уж не галерея картинная на теплоходе прибует к нам, — улыбается Юлия Михайловна, — то, может, хоть репродукции бы к нам присылали известных картин, чтоб можно было их купить и потом любоваться на них.

Два человека, два разных подхода к жизни: практический и пылко-романтический. Но почему же создается такое гармоническое начало, почему же такая славная обстановка царит в этом доме!! Конечно же, и Владимиром Кузьмичом и Юлией Михайловной движет доброта. А стремятся и та и другой к красоте на земле и в душах людских. Может, ключик того семейного единства в словах, произнесенных как-то Юлией Михайловной: «Кузьмич тоже любит цветы, очень доволен если выйдут цветы, зацветут. Очень им радуется. Жизнь-то ведь красна не одним картофелем. То, что практично — то хорошо, ну а то, что красиво, сильно душу трогает. Цветы, как музыка. И мне хочется, чтоб в нашем поселке все было красивым. Мне очень хочется красивее жить. Красивее. И чтоб молодые радовались жизни, чтоб они землю полюбили, как люди моего поколения. Если бы не земля, мы бы пропали, наверное.

Я полюбила этих стариков из Ягурьяха. Хорошо они знают жизнь, хорошо живут. Возможно, прочтя эти строки, кто-то из односельчан скажет, что не во всем со мной согласен. Не нравится некоторым, к примеру, прямолинейность и категоричность Владимира Кузьмича, с какой он подходит к людским прегрешениям. Не нравятся какие-то откровенные суждения Юлии Михайловны. Не молчат Найды, если видят явные беспорядки в жизни. Но все это от любви к соседям, от большого желания жить всем в мире и согласии. И, конечно, прекрасно желание Юлии Михайловны, как-то высказанное ею при одной из наших встреч, — собрать всех жителей Ягурьяха за доброй беседой. И не менее прекрасна мечта Владимира Кузьмича — помирить всех людей, чтоб не таили они обиды друг на друга.

Не жалко Юлии Михайловне отдать поселковой детворе первые ягоды клубники, малины. Как птицы, прилетают к ней ребяташки с кружками угоститься ягодами. И она оделяет каждого. С легкостью, смеясь да ласково разговаривая с детьми, расстается Юлия Михайловна с выращенным урожаем. И Владимир Кузьмич никогда не упрекнет жену, не скажет, что лучше бы сама съела. Знает, что одарить ягодами, цветами ли соседей для Юлии Михайловны самое приятное в жизни. Она просто богаче себя чувствует, что доставила людям такую радость.

Не жалко. Вот в чем дело. Не жалко отдать что-то свое, к чему привыкла, что полюбилось. Не жалко. Юлия Михайловна рада любому гостю, готова накормить, напоить всех, и в дорогу хоть бутерброд да завернуть, по-матерински встретить и проводить за порог своего дома. И потом еще долго живешь добротой и щедростью этих людей.

ОСЕНЬ НА ТАПСУЕ

ТАЕЖНЫЙ ОТШЕЛЬНИК

Речка Ворья впадает в Тапсуй в пяти километрах выше Тапсватпауля. Мы быстро пронеслись это расстояние и слева по ходу увидели ничем не примечательное устье Ворья. Нашей лодке сразу стало тесно: узкое русло, крутые повороты, завалы — Саша то и дело сбавляет обороты мотора.

Я вспомнил странное имя, названное Папуевым. Спрашиваю его:

— Что это за «Николай первый» скрывается в наших лесах?

Саша улыбнулся. И вот что рассказал.

На Ворье, в старинной избушке Маньсаркингсуйпауль, живет пожилой манси Анемгуров Николай Васильевич, и в поселке Нерохах есть тоже Анемгуров Николай Васильевич, помоложе. Манси для различия двух однофамильцев прозвали старшего Анемгурова «Николаем первым», а младшего окрестили «Николаем вторым».

Дорога была долгой. Перед сумерками мы подплыли к высокому обрывистому берегу с сосняком. Над обрывом чернели покосившийся лабаз-сомья и разрушенный мансийский дом. В глубине леса — развалины изб.

— Это Ворьяпауль, — объясняет Саша. — Когда-то бойкое место. Теперь здесь пусто.

Наша лодка вливается в длинный прямой плес, в конце которого за одинокой курчавой сосной виднеются мансийские избенки.

— Приехали, — говорит Папуев.

Нам издали видно, как от сосны к реке спускается седой манси с собакой. Старик ждет нас. И вот мы уже рядом.

Саша приветствует с лодки:

— Здравствуйте, Николай Васильевич! На денек в гости к вам...

— А!... Сашка! Заруливай! — махнул рукой старик.

Я внимательно рассматриваю «Николая первого». Совершенно белые густые волосы, черные мохнатые брови, удлинённый нос с горбинкой, продолговатое лицо, темные пытливые глаза — похож на североамериканского индейца!

Знакомимся. Саша заводит со стариком разговор о предстоящей зимней охоте, что-то о плане на пушнину толкует. Анемгуров прерывает его:

— Ты ко мне в гости приехал — пойдём сначала чай пить, потом говорить будем...

Поднимаемся на высокий берег. Три домика стоят на ровной поляне в окружении молодого сосняка, рядом лабаз на четырех сваях, посредине навес. На длинных жердях развешано много распластанных щук.

Старик видит мой пристальный взгляд на рыбу:

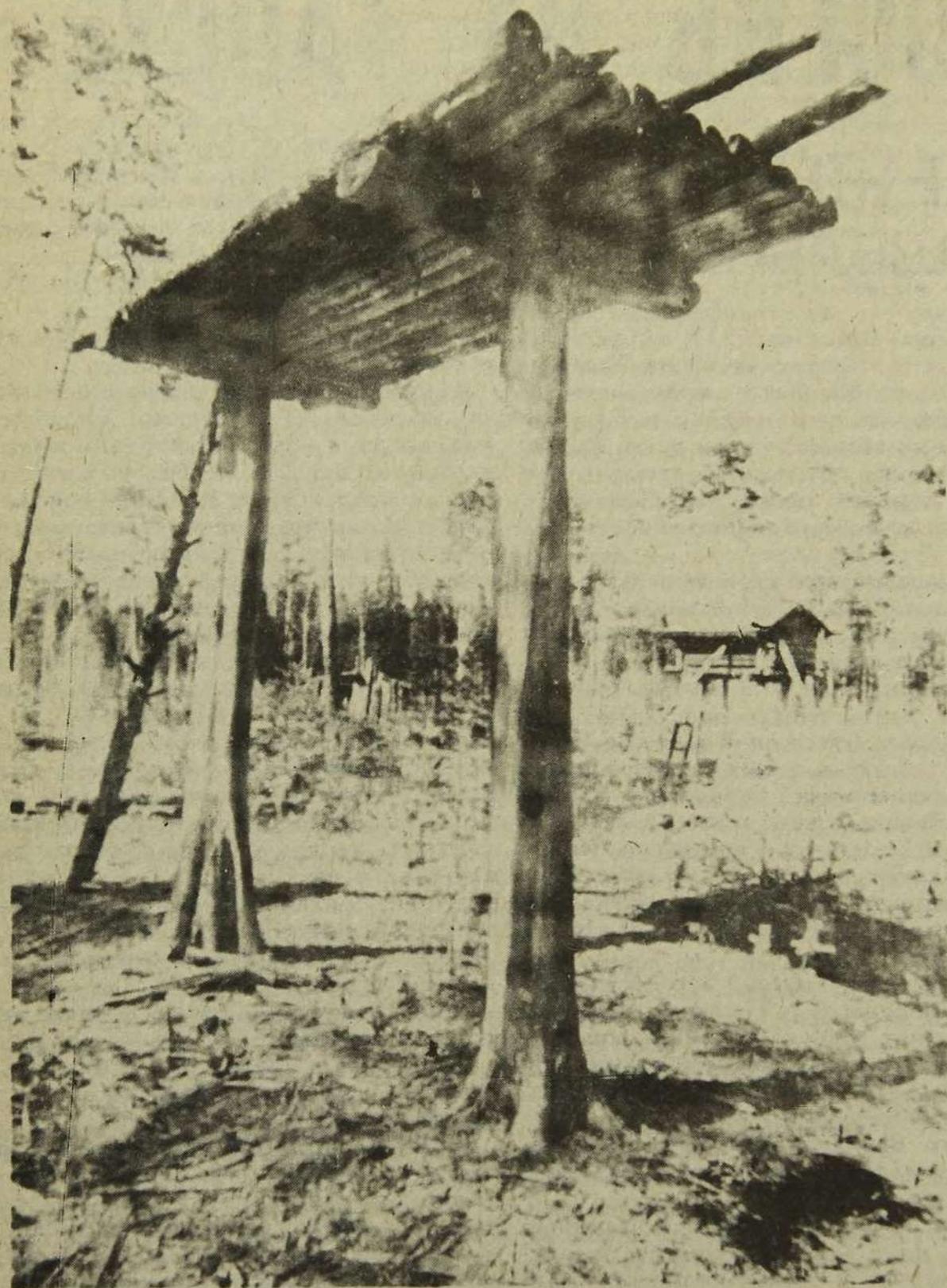
— Это ёхул¹. Собак кормить зимой... Да и сами иногда поедим.

Я загляделся на кучу оленьих рогов. Старик заметил и это.

— Знаешь, зачем собираем рога? Клей варим из них, клеим лыжи, то да се... Шибко хорошо!

Ближайший к берегу крохотный домик — это банька, называемая по-мансийски пувлынгкол. Чуть дальше — старая приземистая изба, почерневшая, с деревянной трубой, с гнилой, усыпанной соболиными черепами крышей. Ближе к лесу — новый теремок, сверкающий бе-

¹Продолжение. Начало см. «Югра» № 1.
¹ ёхул — вяленая рыба, юкола.

Хозяйственные постройки мансийского охотничьего стана: норма — полка и сомья — лабаз. Фото М. Заплатаина.

лизной досок и гладко обтесанных бревен.

Хозяин этого становища участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен, имеет награды. В армии научился хорошо говорить по-русски.

Возле его ног трется серый щенок. Николай Васильевич ласково гладит его.

— Мой товарищ... Серко... Он как хум', человек...

И мы тут же стали называть щенка — «Серко-хум».

Хозяин приглашает в дом, что поновее. Вход с запада, низкий, приходится нагибаться. Окна только на южную и восточную стороны. К северу обращена глухая стена. Оглядываем жилище. Изба без потолка. На стропилах лежит сшитая из бересты кровля.

У современных лесных манси, занятых непосредственно охотничьим промыслом, наиболее интересно то, что они сохранили в своем быту элементы старины, по которым можно судить, как жили их предки.

Чем же пользовались у природы их прадеды в глухих, труднопроходимых лесах Северного Зауралья? Им не знакомо было ни огородничество, ни хлебопашество. Кормила их охота, рыбная ловля. Орудие для ловли рыбы плели из прутьев ивняка, кедровых корней. Сети — из крапивы. Посуду делали из бересты и дерева. Одежда и обувь шились из шкур зверей. Нитками для сшивания шкур служили лосиные сухожилия. Даже и теперь этой нитке манси-охотники отдают предпочтение: она долговечнее хлопчатобумажной, не гниет от воды.

В лесной избе манси-охотника вы иногда встретите почти настоящий музей старины. Обычные для него вещи вызовут у вас удивление. Берестяная и деревянная посуда, древний музыкальный инструмент санквылтап, разукрашенные замысловатым орнаментом

детские люльки, сшитые из бересты, ножны из оленьих рогов и многое другое — все это сделано своими руками.

Манси прирожденные охотники. Кто лучше их понимает повадки глухарей? Эта птица издревле кормит лесных людей круглый год. Кто лучше манси знает жизнь лося-животного, мясо которого испокон веков для них — хлеб, шкуры — одежда, постель и обувь, камус с ног — обшивка для лыж?

Жители лесных паулей относятся к птицам и зверям бережно. Рядом с избами гнездятся рябчики, кулики, утки, нередко пасутся дикие северные олени, лоси. Зайцы проторили тропы вблизи домов. И вообще, любая лесная живность не особо остерегается людей.

Николай Васильевич рассказывает:

— Ты не поверишь, в старом Воряпауле я знаю тетеревиный ток прямо перед домом! Откроешь дверь, а косачи у крыльца токуют... Когда мальчишкой был, мы их камнями гоняли...

Удивительно слышать: тетеревиный ток перед крыльцом дома! Но я привык верить манси, потому что не встречал врунов среди них. Забегая вперед, скажу: однажды я все-таки посетил Воряпауль с целью съемки этого необычного тетеревиного тока. Моя кинокамера действительно стояла в сенях того дома, а косачи на самом деле плясали перед объективом в трех метрах от крыльца.

Собиратель древних охотничьих атрибутов мог бы позавидовать убранству избы Анемгурова. На стене висело старинное ружье, кажется, столетней давности — шомпольное, с металлической пластиной, на которую насыпался порох для запала. Целая гроздь кожаных мешочков с круглой пороховницей. И самое замечательное — здесь был набор всевозможных охотничьих стрел с луком. И тут же рядом находились два лодочных мотора «Ветерок-12», мотопила «Дружба», мелкокалиберная вин-

'хум — мужчина, мужик.

Осень на Тапсуе

товка ТОЗ-16 и охотничье промысловое ружье «Белка».

Саша показал на стрелы.

— А эта древность откуда?..

Старик улыбается:

— Еще отец мой ребятишкам делал... Знаешь, раньше у нас ружьев не было, люди стреляли зверя и птицу из луков...

Николай Васильевич показал набор стрел, предназначенных для охоты на различных лесных животных. Стрела с большим ножевидным наконечником годилась для крупного зверя — лося, оленя, медведя. И устанавливалась она на самострелах. На глухаря, тетерева, рябчика, соболя и белку применялась другая стрела — с деревянным набалдашником: она оказывала ударное действие. С такой стрелой охотились на уток, когда они собирались в большие стаи. Пролетая в гуще птичьих тел, стрела обязательно зацепит одну из уток.

— Мой сын, когда рос, на охоту ходил с такой стрелой, — говорит Анемгуров.

Старик подумал немного и добавил:

— А из луков стреляли, наверно, те люди, которые давно-давно жили в землянках...

— В каких землянках? — насторожился я.

— Завтра тебе покажу.

Я вспомнил бор Тотмансуй на Висуме, где Иван Лаверин показывал мне древние землянки. Значит и здесь они есть!

Следующий день был насыщен волнующими меня открытиями. Я узнал и увидел места, о которых, вероятно, не подозревают исследователи древностей. Утром Анемгуров повел меня по тропинке в лес. Впереди бежал щенок Серко-хум, похожий на волчонка. Тропа вилась по невысоким буграм среди молодого сосняка. Дорогой старик объяснил мне:

— Этот бор называется Маньсаркынсуй, а избы наши — Маньсаркынсуйпауль. Теперь понимаешь?

С его помощью я перевел это название: Маньсаркынсуйпауль — поселение возле малого пастбищного бора.

Он нагнулся, увидел чей-то след.

— Олень прошел... Недавно!

Поднял с земли совсем свежий помет, почти мокрый. Глаза его при этом загорелись.

— Сегодня прошел! Сейчас!

Подойдя к обочине бугра, обрывающейся к болоту, мы одновременно увидели важенку — самку дикого северного оленя. Заметив нас, она метнулась. Старик сорвал с плеча «мелкашку», побежал. Но олень умчался в глубину леса.

— Ты счастливый человек! — говорил потом Анемгуров. — Вор сали увидели с тобой!

Мы снова поднялись на бугры. На высоком гребне бора я увидел серию глубоких ям с четкими контурами землянок.

— Вот они... Я еще маленький видел их. Тогда тут большой бор был, потом сгорел...

В углублениях землянок торчали толстые обуглившиеся пни: здесь когда-то стоял столетний лес. Среди этих ям рос и молодняк, возраст которому не менее полусотни лет.

Контуров землянок и выходов из них хорошо сохранились. Я насчитал до десятка больших квадратов на земле. Тут были громадные, многосемейные жилища и маленькие, совсем крохотные.

— Это, наверное, собакам дом...

Анемгуров задумался:

— Знаешь, один старик говорил мне: он лисью нору нашел в бору Холасисуй — это выше по Ворье. Лопату брал, копал. Кость человека увидел. Испугался, убежал оттуда...

Николай Васильевич посмотрел на меня, как бы изучая, какое действие оказало его сообщение. И продолжал:

— Наверное, люди, которые жили тут, в землянках, там своих мертвых хоронили...

Это известие еще больше заинтриговало меня. Интересуюсь, что означает «Холасисуй». Выясняю: «хола» — мертвец, покойник; «си» от «сир» — род, люди; «суй» — бор. Холаси — значит «мертвые люди». Получается Хо-

ласисуй — бор мертвых людей или бор мертвецов.

Значит, в Холасисуе — древний могильник. Об этом говорит само название и обнаружение костей.

— Далеко ли до бора?

— Километров пять-шесть будет.

— Дорогой Николай Васильевич, поедем туда сейчас же!

Вернулись в избу. Саша встречал нас чаем. Мы рассказали ему о своем путешествии и предложили прокатиться по Ворье, к загадочному бору.

— Охотно!

Быстро промчались пять километров по Ворье на лодке. У стены черного леса вышли на берег.

— Холасисуй тут, рядом, — сказал

Анемгуров и повел нас в темноту лесной чащи.

Это был старый кедрач с отжившими своей век деревьями. Глубоким мхом заросла не только земля, но и лежавшие кедровые старики — валежник.

Потом легкий подъем на бугор, и впереди между стволов сверкнули сосны-высокие, кряжистые. Вышли к открытому бугру, сплошь заваленному деревьями-мертвецами. Под одной из сосен — неглубокая, короткая траншея-подкоп. В одной стороне ее круглый ход под землю — нора. Щенок Серко-хум наполовину исчез в ней, принюхивается там.

— Здесь, видать, и копал старик!.. — остановился Николай Васильевич.

В стане ворьинского охотника Н. В. Анемгурова. Фото В. Ощепкова.

Осень на Тапсуе

— Костей не видно! — рассматривая траншею, говорит Саша.

— Может, лиса в норе спрятала. Или рассыпались... Ведь старая кость, пока в земле лежит — твердая, вынул ее оттуда — скоро в муку превратится...

Думаю, что здесь нужны раскопки, какие производил уральский краевед Лунегов на древних захоронениях вокруг Чердыни. Землянки в Маньсяркынгсуйпауле и этот могильник, возможно, берегут древние ценности для музеев.

А день уже опять клонился к вечеру. И Саша Папуев беспокоился.

— Нам пора на Тапсуй: охотничий караван ждет!

— Старик возражает:

— У нас гостям на дорогу обед варят. Сначала ко мне в дом, потом и поплывете.

Мы не задержались в его избе. Сварили уху, вскипятили прощальный чай на берегу под ветвистой сосной. Саша еще раз поговорил со стариком о зимнем плане на пушнину. Получил от него кое-какие заказы. И мы покинули ворынского отшельника.

Вниз по реке лодка мчалась птицей. Свой охотничий караван мы догнали двумя километрами выше устья Ворьи. Там, в ельнике, уже горели костры многолюдного табора.

(Окончание в следующем номере).

Анемгуров играет на санквылтапе. Фото М. Заплатина.

КРЕЩЕНИЕ ЮГРЫ

Г. Н. Тимофеев, историк — краевед

В общественной организации древнейших жителей Югры, в их реальной жизни вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции бытовал общинно-патриархальный способ производства материальных благ, архаические приемы охоты и рыболовства. Общая отсталость малых народностей Севера на протяжении более трехсот лет консервировалась колониальной политикой русского царизма. Говоря словами Ф. Энгельса, такая политика удерживала эти народности на ступени первобытной ограниченности. Особенность общественного состояния народностей Севера состояла в том, что верования их, возникнув в глубокой древности, составили сложный религиозно-культурный комплекс, в котором уживались шаманизм с магией, колдовством и язычеством, знахарством, идолопоклонством, и на них наслаивались более поздние элементы мировых религий и в частности — христианства.

Московское правительство после присоединения Сибири к России довольно пассивно относилось к религиозным верованиям обских угров. Но когда царизм в XVI веке обрел государственную силу, ему уже не нужны были самостоятельные князьки на землях Югры. В середине XVI века их власть была устранена. К началу XVII века русский царизм прочно утвердил свою власть на всей приполярной окраине России. Задача теперь состояла в том, чтобы внедрить у народностей Севера православную веру. Эта политика особенно активно начала проводиться при Петре I.

Интересный факт по этому поводу приводит историк П. Н. Будицкий. Он писал, что после Нарвского сражения русский царь издал указ о приведении

к евангелию сибирцев, а в начале 1702 года Петр I в указе березовскому воеводе просит прислать в Москву 3-4 шаманов, которые бы могли «показать ему свои фокусы».¹

Однако эта просьба царя выполнена не была. 7-го июня 1706 года Петр I подписал указ Тобольскому митрополиту Филофею Лещинскому «ехать вниз по Оби до Березова и где найдут в юртах мнимых богов, шайтанов, тех огнем палить и рубить, и капища их разорять... приводить остяков к вере, а кто не пожелает — учинять смертную казнь».² Русский царь осознавал, что этим самым совершается насилие: «...это конечно насилие, — говорил он, — потому что дитя малое заставить учить алфавит может только ремень мастера, а потом он будет его благодарить».³

Так было положено начало насильственной христианизации Югры. В 1713 году Тобольский митрополит со своей свитой прибыл в Белогорье и здесь предал огню идолов — «Обского старика», «Медного гуся», а прах их был сброшен в Обь. В Шеркалах Ф. Лещинского встретили с «ожесточением и оружием», но и здесь ему удалось «предать огню всех идолов». В 1713 году были насильно крещены жители Кеушинских, Матлымских, Батлымских и Шеркальских юрт — всего 3,5 тысячи человек. Так писал Григорий Новицкий — бывший полковник царской армии, участник Полтавской битвы, за попытку перейти к Мазепе разжалованный Петром, сосланный в Конду в качестве хранителя христианской веры у вогулов и там убитый шаманами.⁴

По приказу Тобольского митрополита там, где стояли кумирни с идолами, были построены церкви: в Белогорье-Свято-троицкая, в Сухоруково-Духосвятская, в

Матлыме — Преображенская, в Шеркалах — Спасская, в Казыме — Успенская.

В 1715 году в христианство были обращены вогулы Кондинской волости. Митрополит прибыл в Конду «в сопровождении вооруженных казаков с пушками, от грохота которых дрожала мать-земля, а туземцы встретили это посольство не с покоренной головой... Князь Сатыга искусной стрельбой из лука обратил приехавших в бегство и только при втором появлении посольства этот князь оплошал, попал в плен к казакам и был доставлен в Тобольскую тюрьму».

Многие современники насильственной христианизации народов Обского Севера пытались доказать, что «в период миссии Ф. Лещинского не было актов насилия и при нем не было вооруженных людей. Но факты, приведенные в данной статье, подтверждают мысль о том, что тобольский митрополит не мог ослушаться приказа императора, который, предвидя сопротивление местного населения насильственной христианизации, в указе 1710 года предприсылал под страхом смертной казни крестить всех туземцев от мала до велика.»⁵

В 1714 году тобольский митрополит, добросовестно выполняя наказ русского царя, крестил вогулов на реке Сосьве.

За годы насильственной христианизации на землях Югры Ф. Лещинский окрестил 40 тысяч человек и построил 37 церквей. Он собирал детей местных коренных жителей для обучения их в архиерейской школе для того, чтобы иметь из их числа миссионеров для внедрения христианства в тайге и тундре.

Прошло сто лет с начала крещения народов Югры. В 1826 году тобольский епископ Е. Казанцев, побывавший на Югорской земле, пришел к выводу, что инородцы по-прежнему исповедуют шаманизм.⁶ Он писал, что в деле распространения христианства произошел застой, «многие из крещенных инородцев понятия о вере Христовой не имеют... дома молятся идолам, в редких жилищах имеются иконы, да и то содержатся в небрежении, крещенные не умеют избоб-

разить на себе крестное знамение, не знают никаких молитв, некоторые не бывают в церкви с самого крещения и даже редко помнят имена, данные им при крещении». Более того, он был поражен обратными процессами и признавался: «попадают даже случаи и обратного перехода в язычество, против чего принуждены были часто принимать полицейские меры».⁷

Тобольская консистория, учитывая это, начала принимать более жесткие меры по насильственной христианизации Югры. Это послужило, кстати, одной из причин восстания ненцев под руководством Ваули Пиеттомина в середине XIX века.

Поскольку христианство плохо приживалось на Югорской земле, служители церкви предприняли попытки преподнести аборигенам Севера упрощенные элементы новой религии. Но какой-либо стройной системы приспособления христианского учения к особенностям шаманизма создать в течение столетия так и не удалось. Это и понятно. Сохранение в религиях традиций глубокой старины — это главная заповедь любой веры. «Раз возникнув, — писал по этому поводу К. Маркс, — религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованных от прежних времен».

Стремясь приспособиться к шаманизму, православные священники пытались теоретически доказать, что и в языческой вере можно встретить, хотя и в несовершенной форме, отдельные христианские идеи, как вероучительного, так и нравственного характера. Именно с этой целью настоятель Обдорской православной миссии Иринарх, «чтобы приохотить остяков к отпеванию в церкви», разрешил «класть покойников в лодку, укладывать с ним нужный в языческой вере комплект предметов для домашнего обихода, одежды и прочее».⁸

О слиянии шаманства с элементами православного культа говорит и такой пример: шаманы перед камланием в юрте зажигали перед иконами церковные свечи; когда входили в юрту, первым делом молились на святые образа, прося

дать силу, затем тушили свечи, снимали с себя православный крест, чтобы духи «получили доступ к нему», и только после этого шаман брался за бубен.

Такое «слияние» элементов культа двух религий не могло не внести в двухверие путаницу и неразбериху. Вот почему один из исследователей шаманства прошлого века писал: «...спросите якута, тунгуса, бурята, остяка и вогула откуда произошло шаманство! Каждый вам расскажет нелепую историю... спросите вы любого шамана — в чем сущность шаманства? Вы не добьетесь толку. Начнете сами делать выводы из всех рассказов — вы запутаетесь в хаосе догадок и заключений».

В конце XIX — начале XX века в христианской политике церкви намечается более масштабная программа приспособления православия к язычеству.

Политика приспособления православной церкви к шаманству стала проводиться «с мудрой осторожностью», чтобы придать ей «освященные молитвой» стремления приспособиться «к нравам и обычаям аборигенов».⁹ Однако все попытки церкви приспособить христианство к язычеству своей цели не достигли. Не оправдались надежды церкви на то, что «истинное просвещение инородческих племен и сближение их с русским народом прочнее всего может совершиться на почве религиозной».¹⁰

Безусловно, отдельные элементы православного вероучения и церковного культа проникли в сознание и быт аборигенов и смешались с их древними верованиями. К началу XX века мировоззрение северных народностей представляло «смесь» христианства и язычества с явным преобладанием последнего. Возникновение новых элементов в языческой вере народностей Обского Севера было обусловлено прежде всего тем, что православная церковь насильно насаждала христианство, а позднее повела уточненную атаку на приспособление христианства к язычеству, «...а местное население, — признавались сами церковники,

— к такой политике относилось с недоверием и враждебностью».¹¹

Церковь начала жестоко преследовать шаманство, и камлания шаманов стали проводиться в глубокой тайне от властей. В силу этих причин многие старинные обряды и верования обских угров исчезли, а большая часть из них была просто забыта. Поэтому ставить знак равенства между древней самобытной религией обских угров и шаманством нельзя, так же нельзя рассматривать шаманство без учета влияния на него православной русской веры.

Октябрьская революция застала народы Обского Севера на этапе раннего становления шаманско-православного двоеверия, и вся литература, посвященная этому вопросу, страдает тем, что она освещает не само шаманство как форму древней религии обских угров в ее непосредственном виде, а его пережиток, сохранившийся после трехсотлетней борьбы с христианством. Ф. Энгельс по поводу национальных религий писал, что «старые первобытные племенные и национальные религии не имели пропагандистского характера и лишались всякой силы сопротивления как только сталкивались с догматами мировых религий». Это и произошло с шаманством угров.

Натиск православной русской церкви на язычество народов Югры и разрушение их традиционного быта путем насильственной русификации нанесли удар по древнему культу. Все те, кто соприкасался с шаманством в конце прошлого века, отмечали, что повсеместно наблюдался упадок шаманства. Сами коренные жители стали тоже понимать, что сила шаманов убывает и шаманы уже не могут делать того, что они делали прежде. Историк В. М. Михайловский в 1892 году писал: «Шаманство у сибирских народов в настоящее время находится в состоянии вымирания. Но это состояние затянулось на столетие. И вряд ли кого могут удивить вспышки шаманства в новых формах — не на традиционной основе, а на почве увлечения мистикой».¹²

Тем не менее надо признать, что православная церковь уже в первой четверти XIX века, изменив свою прежнюю практику насильственного внедрения христианства, начала законодательно вводить принципы терпимости к религиозным воззрениям северян. В ряде законов (см. «Устав об управлении инородцев», 1822; Тобольский филиал архива Тюменской области, ф. 156, оп. 25, д. 127, л. 2; «Православный благовестник», 1911, № 3, с. 114 и др.) государство и церковь сохраняли право по старым обычаям отправлять свои богослужения. Русская церковь с начала XIX века начала внедрять упрощенные элементы новой религии с помощью специально подготовленных для этой цели миссионеров.

В начале XX века начался процесс насильственного сближения православной черы с языческими верованиями северян. В 1910 году в решениях Казанского миссионерского съезда, позднее закрепленных в постановлении Синода отмечалось: «языческие верования... не подвергать резкой ломке, а лучше постараться привести их ближе к христианству, охристианизировать их».¹³

Насильственное внедрение христианства у народов Обского Севера имело большое прогрессивное значение. Оно способствовало включению этих народов в общий поток более высокой цивилизации, помогало сближению с русским и другими народами России, внедряло в традиционное хозяйство северян новые формы, способствовало распространению грамотности, усвоению духовной культуры русского народа и общечеловеческих ценностей. Крещению Югры и насильственное распространение христианства помогли коренным жителям усваивать этические и эстетические нормы православия, будили к поиску «человеческого в человеке», осуждали зло, стяжательство, жестокость и жертвоприношения. Христианство внедряло новые духовные ценности в защиту «страждущих» и «обреченных», раскрывало единство религиозной философии православия с шаманизмом, будило разум к поискам единства человеческой истории,

внедряло идею всеобщего равенства, святость библейских заветов, помогало утверждению единства общечеловеческих нравственных ценностей.

Но XX век прервал этот естественный ход истории и процесс сближения народов на общих нравственных основах, завершив в годы тоталитарного режима разгром храмов и церквей и физическое истребление попов и шаманов как «врагов народа».

Таким образом была уничтожена одна из древнейших религиозных философий — религия народов Югры.

ЛИТЕРАТУРА.

¹ Журнал «Вера и разум». Харьков, 1893, № 1.

² Памятники сибирской истории XVIII века, кн. 1, № 99.

³ Журнал «Вера и разум». Харьков, 1893, кн. 2, № 8, с. 555.

⁴ Н. Абрамов. О введении христианства у Березовских остяков. Санкт-Петербург, 1851. с. 12.

⁵ Журнал «Православный благовестник» за 1912 год, № 2, с. 98.

⁶ Журнал «Странник», 1872, с. 119.

⁷ Журнал «Свет Азии». Санкт-Петербург, 1897, с. с. 77-78.

⁸ «Православный благовестник», 1911, № 3, с. 114.

⁹ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области, ф. 156, оп. 25, д. 127, л. 2.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив, ф. 796, оп. 445, д. 301, л. 42.

¹¹ Тобольские епархиальные ведомости, 1911, № 3, с. 48.

¹² См. подробнее В. Н. Басилов. Избранники духов. М.: 1984, с. 207.

¹³ «Православный благовестник», 1911, № 3, с. 114.

Знойный безоблачный день августа. Наш полк вышел в смешанный лес, поступила команда остановиться. Никаких признаков войны. Все обрадовались тому, что можно дать отдых лошадям и отдохнуть самим. Наша батарея расположилась в березовой роще, как будто специально выращенной в этом смешанном лесу. Распрягли орудийных лошадей, расседлали верховых и вдруг — оглушительный треск, грохот, страшный гул, ржанье лошадей, полнейшее смятение. Грохот прекратился, наступила тишина, только слышались стоны раненых, их просьбы о помощи. Убито 11 лошадей и ранено 5 человек.

За оставшееся время дня и ночью полк полностью приготовился к ведению огня. За два дня боя весь левый берег речки был полностью очищен от фашистов. В поддержке пехоты в бою участвовали из дивизиона только 1-я и 2-я батареи, наша 3-я батарея держала под прицелом немцев на случай возможной атаки на левом фланге боя.

К. Пьянков.

ВОЙНА ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

1. НАВСТРЕЧУ ПРОТИВНИКУ

Ликвидировав плацдарм, полк остался на этом участке фронта в обороне. Наш передний край и передний край противника разделяла только пойма речки, заросшая кустарником. С наблюдательного пункта хорошо просматривалась оборона врага. Сразу после кустарника начинался чистый сосновый бор и небольшой подъем местности. В стереотрубу мы хорошо видели передвижение по лесу немецких солдат, слышны были рокот автомобилей, мотоциклов и другой техники. Все, что видели и слышали, записывали в журнал наблюдения и ежедневно вечером подавали сводку в штаб своего дивизиона.

Однажды был такой случай. Передают нам по телефону: «В районе вашего НП будут проходить две женщины в сторону противника не вздумайте открыть по ним огонь!» Через несколько минут видим слева от нашего НП идут две женщины. Прошли лес, спустились на пойму и скрылись в кустарниках. Увидели мы их, когда они из кустарников вышли в сосновый бор. Тут их встретили два солдата в немецкой форме, и они все скрылись в глубине леса.

Был и такой случай. Ночь, совершенная темень. Такая тишина вокруг, что кажется, будто сидишь на дне глубокого колодца. У немцев то и дело вспыхивают в воздухе осветительные ракеты. В ночь на НП дежурило всего три разведчика и два телефониста, другие отдыхали в 150-200 метрах от передовой линии. В эту ночь я с двумя разведчиками был на НП. Со мной были Губушкин и Голубев. Еще не было признаков утренней зари, как послышался шорох в кустах. Но впереди нас по берегу речки был только пехотный дозор, и мы знали время их пересменки. Шорох все усиливался, направление движения — наш НП. Даю команду всем приготовиться к бою. Уверенности в том, что это группа немцев, у меня пока еще не было, требовалось уточнение. Но времени не оставалось, надо было через секунды действовать — вернее, как только глаз увидит хотя бы силуэт. Слышим совсем слабый голос

Константин Сидорович Пьянков — учитель-пенсионер, много лет проработал в школах Кондинского района и города Урая. Участник Великой Отечественной войны, награжден боевыми орденами Красного Знамени, Отечественной войны первой степени (двумя), Отечественной войны второй степени, Красной Звезды, медалями. В публикуемом отрывке воспоминаний фронтовика повествуется об особенностях начального этапа войны.

ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ.

телефониста: «Товарищ командир, передали из штаба дивизиона: мимо нас с переднего края должна проходить группа разведчиков пехоты. Смотрите, не обстреляйте их». Психологическую нагрузку как рукой сняло. Могло статься, что перестреляли бы своих, а противник обнаружил наш НП. Разведчикам некогда было с нами разговаривать, они вели «языка» в штаб батальона.

Много всяких случаев было в первые дни войны. Сказывалась неопытность, которую хоть как-то компенсировали зоркость глаза и острота слуха. К счастью нашему, эти случаи не оканчивались жертвами.

Вот, к примеру, глупейшая нелепость. Ровики для отдыха были сделаны из расчета на двух человек и рассредоточенно (в целях наименьшей уязвимости). Мы с разведчиком Голубевым отдыхали вместе. Ночью толкает меня Голубев в бок, я просыпаюсь — он шепотом мне сообщает, что все наши ушли, мы остались одни, вокруг нас немцы, они стоят и возле нашего ровика. Я не придавал значения сообщению и снова заснул. «Вставай, — шепчет он, — что делать будем! Они стоят над нами, я их сам видел». Карабин мой к голове стволом и развернуть его невозможно, узок ровик, да и лишний шум (под боком высохшие березовые ветки). Снимаю с пояса осколочную гранату «Ф» и изготавливаюсь, чтобы выбросить ее на поверхность, уже взялся за кольцо чеки. В этот момент человек у ровика кашлянул, и я узнал нашего разведчика Мусохранова. Спасла его мошка, попавшая в рот и вызвавшая кашель.

Трудно было подобрать слова, чтобы выразить негодование по такому дурацкому случаю, а Голубев лишь утром опомнился и сказал, что ему это приснилось. Хорошо, что этот и многие другие случаи были бескровными.

В течение августа немцы на нашем участке активности не проявляли. Мы — тоже. Мне кажется, объяснить эту пассивность с нашей стороны можно тем, что, во-первых, не было в достатке людских резервов, во-вторых, снарядов в наличии был только один боекомплект, а доставка на передовые рубежи в этот момент была почти невозможна. Гаубицы нашего полка были на конной тяге, поэтому о запасе горючего нам не надо было беспокоиться. Но дивизионы, полки на мехтяге испытывали в горюче-смазочных материалах острейшую нужду.

Мы были полны решимости наступать, освобождать наши города и села, патриотизма у нас хоть отбавляй, но не было возможности. Наш патриотизм заслонял многие слабые стороны, особенно в техническом оснащении. Гаубицы, совсем устаревшие, образца 1903 года, не претерпели ни одной модернизации, на деревянных колесах, боеприпасы для них — начиненные шрапнелью гранаты времен гражданской войны. В батарее — никакого механизма, не говоря о машине.

2. ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ ОТСТУПЛЕНИЯ.

Утро 5 сентября 1941 года. В воздухе освежающая прохлада, огнем пылают кроны осин, доносится слабый шелест их листьев. Все признаки начала осени. Утро выдалось солнечным, с почвы быстро сошел слабый инеек.

Совершенно неожиданно передают по телефону: связь отключается, сматывайте кабель, снимайте приборы и идите на КП командира батареи. На КП прибыли и разведчики, и связисты, и радисты. Лошадей взяли в орудийные упряжки, и мы стали теперь пешеходами. Общий сбор всех подразделений полка был указан в нескольких километрах от переднего края обороны. Когда мы пришли на место сосредоточения, орудийные расчеты уже были готовы к маршу. Наши боевые порядки тут же начал занимать полк легкой артиллерии. Замена прошла в спокойной обстановке, без единого орудийного выстрела; противник тоже, видимо, повторить бросок на форсирование водной преграды не собирался.

ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ.

На второй день нашего движения нам объяснили обстановку, суть ее была такова: немецкие войска оккупировали г. Калинин, а это — далекий тыл, мы под угрозой окружения. Прекращено централизованное снабжение продовольствием, фуражом, всеми видами боеприпасов. Переходим на самоснабжение, а это значит: что удастся найти старшине на полях, в оставленных домах, то и будет приготовлено кухней. Кухня варила только картофель, с большим трудом найденный на немногих усадьбах. Чистить его не имели времени, варили в «мундирах». Варка проводилась на марше, а двигались по вязким проселочным и очень разбитым дорогам. С наступлением темноты батарея останавливалась и повар звал на ужин. Подставленные котелки наполнялись темноватой жидкостью, похожей на кисель, холодной и, к тому же, совершенно без соли. О соли и о каком-либо продукте, напоминающем что-то хлебное, пришлось позабыть.

Движение было очень медленным, но безостановочным: шли днем и ночью. Часто уклонялись от маршрута, разворачивали батареи в боевой порядок и «бросали», как мы говорили, четыре-пять снарядов для поддержки пехоты, сдерживающей натиск фашистов, все более сжимающих коридор нашего движения.

Хотя наш полк был с устаревшим оснащением, он входил в число полков резерва главного командования и перед нами ставились все новые и новые тактические и оперативные задачи. Приходилось маневрировать, разворачивать батареи в боевой порядок и вести огонь. Мы не бежали, оставляя родную нашу землю, села и города, мы отступали с боями. Наши зарядные ящики почти опустели, остался только НЗ (неприкосновенный запас) снарядов, лошади выбились из сил, совсем немощных заменяли. Коридор нашего движения каждый день сужался. Вышли мы на большак, но так он только назывался, идти и ехать по нему было очень трудно, пролегал он по болотам.

Еще до выхода на эту дорогу у нас был такой случай. Как-то в середине сентября я и штабной вычислитель Повилайтис, посмотрев по карте на маршрут движения, выработали план. Заскочив в кузов бортовой машины — неизвестно чьей, движущейся в том же направлении, что и мы, — поехали, чтобы в какой-либо деревушке выскочить и пока пешая колонна нас догонит накопать картошки, испечь, поесть и малость подремать. Уехали довольно далеко и на окраине деревни постучали по кабине машины. Шофер оглянулся — увидев красноармейцев, остановился, мы соскочили с машины, поблагодарили водителя и он погнал грузовик дальше.

Я начал хлопотать о заготовке дров для костра, а Повилайтис пошел по убранному полю искать картофель. Накопал. Испекли клубни, поели и чуть-чуть подремали. Мимо нас проходили машины, люди, а нашей колонны нет. Мы не на шутку встревожились, начали у проезжающих расспрашивать, а время идет. По нашим расчетам, колонна должна быть здесь, но ее все нет. Все-таки удалось выяснить, что она получила новый маршрут, километрах в пяти отсюда свернула вправо. Теперь стало ясно, что надо двигаться в обратную сторону до первой развилки дорог. Мы бежали и все думали о том, как бы не потерять свой полк.

На наше, видимо, счастье догоняет нас штабная машина, на ней мы быстро доехали до штаба нашего полка, он расположился в лесу. Помню, как заботливо отнесся к нам командир полка, полковник Геваркян, которого мы увидели впервые. Он позвал старшину и сказал ему: «Покорми ребят и уложи их получше, пусть спят».

Движение наше продолжается. Нам навстречу идут вооруженные колонны, но не в военной форме — ополченцы. На дороге и возле нее много-много всякой техники: тяжелые гаубицы, пушки, тягачи — все это перестало двигаться, нет горючего. С орудий сняты замки, приборы, с тракторов — главные узлы и механизмы, закопаны в землю, чтобы не достались врагу. На дороге огромное скопление людей, машин,

лошадей, толпы военных от красноармейцев до генералов. Всем хочется быстрее двинуться, но нет никакой возможности: свернуть с дороги, обогнать, объехать нельзя — слань очень узка, рядом трясина. Все возмущаются, кричат, страшно ругаются, но все эти меры и усилия не дают желаемого результата. Немецкие «Юнкерсы» то и дело с ревом пикируют на эту толчею, бомбят, затем на бреющем полете строчат из пулеметов и все это совершенно безнаказанно.

В этом отступлении мы узнали, как можно спать на ходу, особенно ночью. Я и теперь часть вспоминаю, как это бывало. Про себя скажу: «Иду, глаза закрываются, сплю». Запнувшись за что-то, просыпаюсь — оказывается, ушел от дороги в сторону. Так ныряешь и кланяешься много раз, пока не пройдет дремота.

Движение продолжалось на пределе сил людей и лошадей. Все истощены, изнурены и голодны, а возможности чего-нибудь поесть — никакой. Особенно усложнилось с заготовкой картофеля в окрестностях станции Нелидово и Оленино, когда на дороге скопилось огромное количество войск.

В 20-30 километрах от г. Ржева наш полк остановился на ночлег. Все были несказанно рады этому и начали организовывать место для сна. Я с разведчиком Губушкиным побежал за разведчиками нашего отделения, но возвратился один: «Идем быстрее к командиру батареи!» Оказывается, штабу полка сообщили, что коридор нашего движения менее 10 км шириной, войска немцев теснят фланги с задачей замкнуть кольцо окружения.

Была подана команда отставить ночлег, срочно вытягивать батареи на дорогу, в походную колонну. Теперь нам дали бортовой автомобиль ЗИС и мы не шли, а ехали, но скорость движения не увеличилась. Всю ночь не утихали бои справа и слева по пути нашего следования, все ближе и ближе вспыхивали в воздухе осветительные ракеты.

Кошмарная ночь прошла, настало еще более кошмарное утро, теперь вся ширина нашего «коридора» справа и слева насквозь простреливалась ружейно-пулеметным огнем. Колонна продолжает движение, впереди виден город Ржев — единственная возможность избежать полного окружения.

КНИГА НАШЕЙ ПАМЯТИ

Май 1995 г. — дата завершения работы над Всесоюзной книгой Памяти, в которой будут увековечены имена всех погибших и умерших от ран в годы Великой Отечественной войны.

Книга Памяти — собирательное название комплекса поименных книг Памяти областей, краев, автономий, союзных республик без областного деления. Комплекс этот составит около тысячи томов, ориентировочный тираж которых — несколько миллионов экземпляров.

Как участвует в подготовке книги наш округ — об этом сообщает директор окружного государственного архива, заместитель председателя специально образованной рабочей группы окрисполкома Г. Костина.

Сведения о погибших наших земляках войдут во второй том трехтомной областной книги «Памяти», который планируется издать в 1993 г.

ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ.

3. МЫ В ГОРОДЕ.

Еще наш полк не достиг окраин, как поступило сообщение о том, что справа и слева немецкие войска вошли в город. Вошли в город и мы, спокойно перешли через Волгу и тут же раздался оглушительный взрыв. Мост рухнул. За мостом осталась 7-я батарея нашего полка.

В городе толпился военный люд, многие успели уже изрядно напиться, дело доходило до скандалов. Оказалось, что на железнодорожной станции стояло два состава: один с сухарями, другой — с водкой.

Наш полк остановился ближе к центру города. Поступило распоряжение поджигать дома и в первую очередь конторы, учреждения и т. п. Раздали нам бутылки с горючей смесью, и мы бросали их по окнам домов.

Не знаю до сих пор, как и кому удалось притащить со станции сухарей, главное, что каждый из нас получил по ржаному сухарю. Впервые за месяц отступления удалось не только понюхать аромат хлебушка, но и в великое свое удовольствие поест.

После взрыва моста все стихло. Уходя из города, мы оглядывались на него, с болью в сердце оставляя пылающие кварталы. Примерно в 10 км. от Ржева, считая себя в относительной безопасности, полк остановился, чтобы хорошо отдохнуть, дать отдых лошадям. Старшина выдал по килограмму муки и ничего более. Теперь мы на привалах перемешивали муку с водой и в крышках от котелков пекли лепешки.

Путь от Ржева до Калинина мы преодолевали в спокойной обстановке. Из этого перехода в моей памяти осталось только село Медное. Остановились мы 10 октября в 16 км. от Калинина и начали строить землянки в лесу у речки Тьма. Сильно похолодало, в ночь выпал снег. Не успели закончить оборудование землянок — последовала команда: приготовиться к движению. Так повторялось несколько раз.

По пути своего движения мы оборудовали три запасных варианта боевых позиций и не знали, сколько их придется еще сделать вокруг города. Окончательно наша батарея остановилась недалеко от взорванного железнодорожного моста через Волгу. Огневые позиции оборудовали в трех км. за рощей, а наблюдательный пункт — на берегу реки в д. Черкасы. Деревенка очень маленькая и почти вся разбитая.

Под полом сильно побитого снарядами домика выкопали котлован размером 1,5x1,5 м., между бревнами стены прорезали щель и поставили стереотрубу. Хорошо просматривалась окраина города и еще лучше — район вагоноремонтного завода.

Кончился ноябрь. В декабре начались сильные морозы. Разведчики, выполняя службу часовых, в ночное время сильно мерзли, а поэтому топили русскую печь,

Значительную, а зачастую и основную часть этой нагрузки взяли на свои плечи люди военного поколения — председатели советов ветеранов Т. А. Гаврина (округ), С. Н. Нартымов (Октябрьский район), А. Д. Бердюков (г. Белоярский), Ф. Я. Показаньев (г. Сургут), М. Я. Витязев (Березовский район), Ф. В. Панов (Ханты-Мансийский район), А. М. Айданов (г. Ханты-Мансийск), А. М. Мясун (пос. Чантырья), П. И. Слинкин (пос. Алтай), ветераны войны и труда Ю. Г. Созонов, Т. М. Малюгина, В. П. Балашова (г. Ханты-Мансийск) и многие другие. Активно ведут поиск краеведы А. Н. Хомяков, О. А. Кошманова (Кондинский район), архивисты В. И. Ахтямова (Березовский район), Н. Г. Русинова (Кондинский район), С. Г. Санникова (Нижневартовский район).

ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ.

грелись от нее и в ней же пекли мерзлую брюкву и ели ее. При артиллерийских обстрелах спускались под пол. Обстреливали деревню очень часто, и мы несли потери.

Однажды при внезапном ночном налете разведчик Шевелев был убит осколком снаряда. А через несколько дней командир батареи 152 мм. орудий поставил в сарай лошадей, а сам кое-как впихнулся к нам, но тут же вылез посмотреть, как разведчик его устроил лошадей. В это время — налет бризантными снарядами из тяжелых орудий. Все шесть лошадей убиты, командир батареи побежал на огневые позиции, погиб от этого же налета. Разведчик отсиделся у нас под полом. Все это произошло в глубокую темную ночь декабря. Однажды при несении дежурства разведчиками Плугиным и Мусохрановым снаряд пробил крышу, упал на печь, а скатившись с нее грохнул на пол, но не взорвался. Разведчики потом говорили, что не успели почувствовать страха — так мгновенно все произошло.

Прошла третья декада октября, прошел ноябрь и теперь приближалась середина декабря 1941 года, а мы все сидим, смотрим в приборы на оборону противника, аккуратно подаем сводки о том, что делается в стане врага, и ничего более. За это время не было попыток ни со стороны немцев, ни с нашей стороны хотя бы предпринять разведку боем или провести какую-либо другую тактическую операцию. Но это вовсе не означало, что мы бездействуем. Нет, и работа ведется, и силы копятя. Только мы, разведчики да телефонисты, ничего не знаем, сидя в ямке под полом. Никто к нам за все это время не заглянул, никто не проинформировал о событии столь грандиозном, как битва под Москвой. Не знали мы и того, что нам предстоит в ближайшем будущем. Не случайно один телефонист, постоянно дежуривший с трубкой, привязанной к уху, в блиндаже КП командира батареи и комиссара, очень метко охарактеризовал роль своего командира: «Шо таке есть комиссар! Это то, шо газеты получае, сам их читае, на полку кладе и никому не дае».

Утром, еще не брезжил рассвет, мы услышали в трубке телефона: «Приготовиться к «концерту». И вскоре «концерт» начался с артиллерийской обработки обороны врага. Такого мы еще не слышали до этого дня. Вокруг все слилось в единый удручающий гул, земля вздрагивала, что происходит впереди рассмотреть не было никакой возможности. Дым, гарь от взрывов снарядов, поднятая земля — все смешалось в непроницаемую для глаза завесу.

Все, что было приготовлено в длинные дни затишья, рванулось вперед. Разведчики, радисты и связисты кабельной связи тоже пошли через реку, разматывая кабель, оставив свой наблюдательный пункт. Противник яростно сопротивлялся, видимо, надеясь удержать город. Остановить атаку наших войск не удалось, к вечеру 16 декабря Калинин был полностью очищен от фашистских захватчиков.

Они составляют списки и уточняют сведения, ищут документы в военкоматах, посылают запросы в центральные архивы, организуют публикацию материалов о погибших в местных газетах и по радио. Например, в окружную рабочую группу поступило через военкомат свыше 100 извещений о хантымансийцах, погибших и захороненных в Ленинградской, Курской, Московской, Брянской областях. Работа продолжается, до сих пор поступают извещения из Подольского архива.

На сегодня в списке погибших и пропавших без вести по округу — 7620 имен. В окрвоенкомате и архиве точных сведений нет, поэтому я обращаюсь к ветеранам войны и труда с просьбой продолжить эту работу. Никого не забыть — наш святой долг.

ОБЛАКО В НЕФТИ

«Ежегодно весной, во время паводка, по реке Ватьегану со стороны Повховского месторождения плывет толстая пленка нефти. Нам стало очень трудно жить...»

(Из заявления местных жителей в исполком Аганского сельского Совета)

xxx

По Ватьегану плывет
Нефть,
Нефть,
Нефть.
Лодку,
сети
и
весло
Пропитала
нефть.
Щуку вспорешь —
Нож в нефти.
За водой для
чайника
Некуда идти.
Ноги у оленей
Пропитались
нефтью —
От соседей прибежали
С бедственной вестью.
Даже у вороны
Брюхо пожирнело.
Облако на небе
Тоже почернело.
На подоле чума
Масляные кляксы.
Лес мой перечеркнут
Черной полосой...
Олененок детства,
Что ты горько плачешь?
Я твой нос чумазый
Вымою росой.

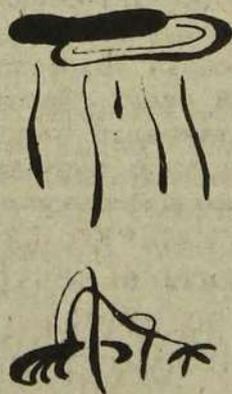
xxx

xxx

Спешу в родимые края
Домой,
Где ждут меня мои снега
Зимой.
Приеду,
Лыжи наострю в леса.
Давно меня мой соболь ждет
И ждет лиса.
Там в тальнике меня мой лось
Давненько ждет,
Когда охотник удалой
К нему придет.
Когда неслышно сквозь кусты
Тайком
Я незаметно подкрадусь
К нему с ружьем.
Но сердце громко застучит
В груди моей,
И в чащу лось мой убежит...
Дехей!

xxx

Дехей — непереводимое выражение, передающее одновременно удивление и разочарование.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Скулит и воет ветер за окном,
И лизет стекла мокрым языком
Осенний дождь.
Косыми линиями скрыл дома и лес
И в землю, словно юркий червь, залез
Осенний дождь.
Размыл дороги и траву подмял
И листья желтые с деревьев посрывал
Осенний дождь.
По крыше пробежал он, как шалун.
И в двери, словно в бубен, саданул
Осенний дождь.
Вот только чай я утренний допью,
Ружье за плечи и уйду в тайгу
В осенний дождь.

xxx

Недавно в книжных магазинах появился сборник стихотворений Юрия Вэллы «Вести из стойбища», изданный в Свердловске. Поздравляем автора с выходом книги!

Рис. А. Мухаметовой.

МЕДВЕЖЬЯ

П. Бахлыков

(ОТРЫВОК)

падь

Винтовка, настоящая шомпольная винтовка! Это бесценное сокровище было преподнесено в дар Ефиму в счет небольшой услуги. Требовалось всего лишь сходить до верховьев черной речки Куль-еган с заданием. Но какой ценой приходится расплачиваться и ему самому, и жене, которая вот-вот должна рожать. Родить должна ему сына. Ему очень нужен сын, помощник и на рыбалке, и на охоте. Тогда отпадет надобность возить жену, она может заниматься хозяйством по дому. И когда они с сыном будут возвращаться домой усталые и голодные, у них будет уже готовая еда, теплая юрта и огонь в чувале.

Зачем, зачем согласился поехать в такую даль без дороги! Да и проходил здесь только раз всего с отцом, когда еще мальчонкой был, уже и не помнит, где шли, как шли. Зимой здесь почти никто не ходит, ездят летом только один раз, тропа почти незаметна, местами приходится двигаться наугад, чутьем угадывая дорогу.

Хитрый, ой, хитрый, купец Куська, сначала напоил, задарил, затем уговорил ехать, по спине рукой хлопал: «Молодец! Экий молодец!» разве скажешь, что и дороги-то не знаю. Не поверит ведь: остяк и заблудится — такого быть не должно. А что жена сына ждет и сказать побоялся. Рассердится купец, винтовку назад заберет, а он, Ефим, только и мечтал о такой винтовке. Есть у него старенький дробовик, отцовский еще, но для охоты он почти непригоден.

Смотрел Ефим на жену и понимал: очень ей трудно, есть нечего. Дичь одна — это не еда, мясо нужно, жир, тогда всем будет хорошо, собаки поправятся, а то уже и нарты тащить не могут, и у самого Ефима кружится порой голова и подкашиваются ноги, исхудал весь, скулы

выпирают. Только и держится на своем веселом нраве и вере в то, что все будет хорошо, дойдут они до своих родственников живы и здоровы. Вот дотерпела бы Уля. Мяса ей надо много и рыбы, а то слабый будет сын. Он, Ефим, знает это по своим собакам: если сучку заморить, то и щенята чуть живые да уродливые будут. Ефим всегда кормил сук лучше, чем кобелей, зато и собаки у него рослые и здоровые. Он смотрит на собак, которые в основном спят, тоже голодные, и у них, как и у него, урчит в животе.

Днем двигаться было почти невозможно, снег подлипал к лыжам, к нартам, тащился за полозьями. Особенно выматывали силы нарты. Их было две, на них — все их походные пожитки. Зимой с сытыми собаками было бы легко, а сейчас собаки днем, когда снег становится влажным, проваливаются и быстро устают.

Шли чаще всего рано утром или вечером, иногда ночью, днем отдыхали. Дорога для собак усложнилась еще и тем, что они потеряли о жесткий снег лапы и во всю силу тянуть нарты уже не могли. Ефим шел впереди, прорубая путь, где это было нужно, и протапывал дорогу. Лыжи у него были широкие, подклеенные лосиным мехом, ноги приходилось расставлять широко, чтобы полозья нарт уместались в колее. Одновременно нужно было тащить и нарты, два кобеля мало ему помогали, они тонули в рыхлом снегу, выбивались из сил. Быстро уставал и Ефим, пот заливал ему глаза, легкая малица на заячьем меху темнела.

Ульяна замыкала шествие. В гору она тоже впрягалась в нарты, помогая своим собакам. Ей было хуже всех, вздутый живот мешал шагать, от непосильной тяжести болела поясница. Когда все окон-

чательно выбивались из сил, делали привал. Разводили костер, варили чай.

А конца пути не было видно, и никто не мог сказать, где и когда он будет, этот конец.

. . .

Расчет новоявленного купца Кузьмы Гавриловича Лепетского был прост: привлечь для начала хотя бы небольшую часть коренных жителей таежных рек, занимающихся промыслом мехового зверя, тем самым составить конкуренцию купцу Тетюцкому, в склады которого до сих пор стекалась с попутным течением нескольких таежных рек почти вся добытая пушнина.

Охотники, живущие по реке Куль-еган, свою добычу сдавали тоже в основном Тетюцкому. Верховья Куль-егана и Малого Югана берут начало из одних и тех же болот, где сближаются на два дневных лыжных перехода. Люди на двух этих реках издревле в родственных связях, о чем говорят их одинаковые фамилии. Иногда они ездят на собаках семьями или ходят в одиночку друг к другу в гости. Если ему, Лепетскому, овладеть пушной хотя бы для начала нескольких охотников, это уже удача. Конечно, придется во многом уступить охотникам, одарить кое-кого, показать такие товары, каких нет у Тетюцкого, чтобы каждый ханты понял, какой есть хороший и щедрый новый купец Кузьма Гаврилович. Для этого нужно завезти ружья, боеприпасы и другие товары, до сих пор здесь небывалые. Первый год пусть будет не очень прибыльный, но потом все окупится. Новое дело без риска не обходится. А Ефим Комаров мужик молодой, смелый и видать смысленый, научить такого торговле несложно, и будет незаменимый помощник в скупке пушнины — надежный, свой среди своих, имеющий родственные связи.

В том, что Ефим с женой успеют до половодья добраться и разыскать сородичей, он не сомневался. Времени, как ему казалось, было для этого достаточно. А подарки, которые Ефим покажет, сделают свое дело. Так что в успехе

продуманного и начатого уже осуществляться плана сомневаться не было никаких оснований.

Несколько приглушенный, но достаточно громкий крик ночной птицы враз разбудил Ефима. Затявкили собаки. Им и без того не удалось поспать в эту уже весеннюю, но такую холодную и голодную ночь, а тут еще этот пернатый таежный великан. Ефим соскочил рывком. Филин, а это был он, еще раз «фубнул» и тут же сорвался с дерева. Проснулся Ефим вовремя, потому что у него уже примерз край сака к снегу и веткам, из которых была с большой любовью сделана постель Ульяной. Инстинктивно он цикнул на собак. Собаки у него были послушные, да и лаять-то больше не на кого, филин уже улетел, «фубать» он, правда, не переставал еще очень долго. Ефим теперь уже угрожающим жестом приказал собакам молчать, это теперь самая главная их задача. Где-то ведь, может, даже рядом, лось.

— Эх, ты... — Ефим выругался, хотя никогда до этого не ругался. С такой надеждой он ждал ветра. А тут, как назло, тихо и мороз. В мороз можно далеко за день уйти, это хорошо, но не может он рисковать сыном, Ульяной, собаками. Подтащил еще колодину, подвалил обуглившиеся чурки, тепла от которых уже почти не было. Костер, чуть помедлив, начал медленно разгораться. Ефим огляделся, подправил одежонку на Ульяне, оценил ласковым взглядом состояние жены, понял, что ей пока еще не очень холодно. Он спал всегда с внешней от костра стороны и грел ее своим теплом, а другую сторону обогревал огонь.

После того, как Ефим дал зарядку мускулам своего изнуренного тела, его бросило в дрожь, мороз сразу же пробрался своими колкими руками к нему под рубаху. И тут же Ефим почувствовал голод, а голод зимой в лесу — это самое страшное, страшней ничего и быть не может. Даже спички здесь не в счет, они отходят на второе место. Пошарив в своем мешке-рюкзаке с сыромятными

лясками, сшитом из выделанной оленьей шкуры, он нащупал уже промерзшую тушку подстреленной вчера птицы. В этот миг он понял: жена оставила ее на самую крайность; по-видимому, больше уже ничего не было. Но у него были собаки, целых пять. Он посмотрел в их сторону, увидел, что они тоже смотрят на него. Дать им было нечего, уже все было отдано. Положение отчаянное. Но ведь лось, воих, ходит где-то недалеко, а раз проморозило снег сверху, то тем более не уйдет. Вот оно, спасение!

Спасибо тебе, большая ушастая птица с большими круглыми желтыми глазами!

Ефим дотянулся до большого кузова, в котором сверху были завернуты в мех выдры и укутаны сверху цветным материалом два небольших идола. Ефим догадался, что не раз уже за эту дорогу Ульяна доставала этих, в ладошку величиной, деревянных человечков без нижней части туловища, походных. Не раз она им молилась. Не раз капали слезы на эти чурочки, а когда было мясо, то Ульяна угощала и их, своих богов, свежей кровью.

Ефим не то чтобы не верил в силу своих богов, которые достались еще от прадедов. Но ему, сыну тайги, никогда еще не приходилось просить этих маленьких человечков о помощи. Он всегда добывал все сам. Но вот пришло время, страшное время, и ему вдруг подумалось: а может, и не помогают ему боги оттого, что он к ним еще не обращался, может, потому и нет у него сейчас ничего поесть, кроме одного сигляя. Может, от этого и нарты у него катятся тяжелее, чем у других. И он, посмотрев в сторону жены, отошел к соседнему могучему кедру и начал молить, чтобы утром, как только развиднеется, они принесли ему удачу.

Фуббу! Фуббу! — разнесся глухой, но вместе с тем громкий, всеми услышанный голос. Но это еще не утро, а только предутренняя весенняя заря. И вот под трели первых ранних птиц из-за дальней гряды высокого голубого леса наконец-то вспыхнули пер-

вые ласковые лучики солнца. Четкие полосы — черные, рыжие — первое, что увидел Ефим, когда открыл глаза. Бурундук, сидевший на расстоянии протянутой руки, не мигая, тревожно смотрел своим темным круглым глазом на Ефима. Вспомнил Ефим, как мать в детстве рассказывала ему сказку про бурундука и медведя. Но сейчас ему было не до воспоминаний. Мгновенно пронеслись у него в голове все вчерашние и ночные события, мозг работал, а руки делали свое привычное дело. Уже загорелись щечки, которые Ефим умеет с удивительной быстротой, аккуратностью и ловкостью настрогать от поленца своим неразлучным спутником ножом. Собаки все враз крутились, повизгивая на своих привязях, не отрываясь, с надеждой смотрели на своего хозяина, понимая, что он куда-то собирается. Хоть они и были до крайности вымучены и истощены, у каждой теплилась надежда, что возьмут сегодня на охоту, удачную охоту. Но их все не брали. Они должны были выполнять другую, более тяжелую работу — тащить, что есть силы, нарты по болотам, лесным холмам, речкам и ручьям.

Ефим точит нож об малюсенький камешек-точилку, проверяет свое охотничье снаряжение. А в мыслях он уже там, на месте действия, на этой азартной и до крайности нужной сейчас охоте. Много раз он ходил на разного зверя, но все равно каждый раз, как впервые, охватывало волнение. Все приходится взвесить, все варианты предстоящего дела, все возможные исходы. На этот раз случай особенный, просчетов быть не должно. Решается судьба его жены, его сына, собак. И от этого еще больше волнения. Нужно торопиться, ведь животное не привязанное, может уйти.

Но Ефим не может торопиться, нужно все предусмотреть. Действовать, конечно, придется по обстоятельствам и опыт есть, но спешка не всегда бывает полезной, а в таком деле чаще наоборот.

Ульяна стояла на коленях перед костром, обгоревшей палкой подправляла поленья и уголья. От костра исходил жар, тепло обласкивало лицо и руки,

обогревало тело, было уютно. Но радости на лице не появилось. Отчаянное ее положение не давало покоя. Большой живот, к которому по-видимому никогда невозможно привыкнуть, тяжесть и неуклюжесть, и все это в таких условиях — в тяжелом походе, в такое нескладное время: не зима и не лето. Больше всего Ульяна боялась, что не дотянуть ей до людей. Она ведь в первый раз, ничего не знает, она очень всего боится. Ой-ой-ой, как будет, что только будет!

С тоской смотрит Ульяна в ту сторону, куда ушел Ефим, прислушивается к шуму ветра. Ветерок слабый, но лес есть лес, все-равно в нем раздаются всякие звуки: поскрипывание, попискивание, шуршание веток о кору, вздохи оседающего пластами снега. Смотрят в ту сторону и собаки, потерявшие надежду на совместную охоту с хозяином. Прислушиваются жадно, втягивают носами воздух, надеясь учуять знакомые запахи, покусывают от нетерпения. С голодом они как будто уже смирились, хотя и часто поглядывают на свою хозяйку с надеждой; когда она идет в их сторону, они соскакивают все враз, но и на этот раз ничего от нее не получают. И тускнеет взгляд; слабо поваливая хвостами, они снова укладываются в свои снежные ямки.

Шел Ефим очень осторожно, застывшая за ночь корка снега издавала шум под лыжами. Ефим не скользил, как обычно, а именно шел, шагал на лыжах, ставил их на снег аккуратно, обходил бугорки, буреломы, валежины. Часто останавливался, прислушивался, принюхивался и очень, что самое главное, всматривался внимательно. Винтовка была наизготовке. Зверь мог оказаться рядом в любую минуту, в любую минуту мог выстрелить и Ефим. Выстрелить нужно было точно и в определенное место: лось большой, а убийных мест мало. Несмотря на утренний морозец, Ефим был без рукавиц и голо-головым, капюшон одевал он редко, только когда был большой мороз и мерзли уши. Ефим с детства хорошо читал лесную книгу. Вот здесь лось остановился, объел веточки,

тут поскоблил молодую осинку, тут постоял, подумал, передохнул, а вот тут поллежал немного, оставив метки после себя, небольшие шарики.

Лось крутился, а это верный признак, что он никуда не спешит, не имеет определенного направления. Значит, находился он где-то недалеко. У Ефима громче и чаще бьется сердце от большого волнения. Ему несколько раз уже чудилась голова лося, уши лося, но это были коряги. И все дальше шел Ефим и все дальше читал свою лесную книгу.

Лось стоял саженой за сто, и стоял он в самом неподходящем месте. Лес тут поредел, ни завалов, ни елочек-сосеночек нет. Ефим замер. Лось, медленно поворачивая голову, щипал молодую сосенку. Нужно было незаметно лечь на снег, и Ефим, медленно оседая, лег. На лыжах подходить нельзя, нужно ползти. Ветерок как будто со стороны животного, можно скрадывать, прячась за стволы деревьев. Ефим пополз. Лось был уже сыт. Можно лечь отдыхать, но какое-то тревожное чувство закралось в душу, какие-то подозрительные шорохи, чувство на себе чьего-то взгляда. Хочется кинуться, побежать, но полнота желудка, сытость и томление удерживают его на месте.

...Родился на свет он маленьким и слабеньким. Мать, тревожно помыкивая, облизывала его, мордой помогала встать, подставляла свое небольшое с маленькими тугими сосками вымя. Он у нее первенец, она тоже еще неопытная, много и бестолково крутится, и никак он не может ухватиться за сосок. Инстинкт побуждает его что-то сосать, он тычется в холки и живот матери, мохнатый и теплый, еще больше возбуждается, падает, поднимается снова. Ноги, длинные и неуклюжие, совсем его не держат. Когда первые густые струйки материнского молока попадают в его желудок, он сразу наливается силами жизни, ему хочется побегать, повзбрыкивать около матери и ноги повинуются лучше. Мать успокаивается, выбрав посуше местечко, ложится. Быстро устав, ложится к матери и он, прижимаясь своей маленькой влажной мордочкой к ее холке. Мать ласко-

во мычит и, довольная, с нежностью, осторожно лижет его, успокаивая и усыпляя.

Потом у матери появилась дочь, а у него сестра, так образовалась семья, он быстро рос. И вот однажды они встретились с очень крупным быком с большими лопатами — рогами. Тот, пришлый, сразу же стал отгонять уже совсем взрослого бычка. Была короткая неравная схватка, но где было ему устоять. Он уступил и отошел от стада. И вот с тех пор он один бродит с места на место. Он тоже стал большим, сильным быком, была у него и любовь, и драки — все было. Не было у него только постоянной семьи, он почему-то всегда уступал даже более слабому сопернику.

Осенью, когда его голова украшалась большой короной рогов, на голове чувствовалась тяжесть, но эта тяжесть придавала силы и смелость, и он порою был дерзок, вызывал на поединок соперника, точил свои рога, ломая ими деревца, срывая со стволов кору. В начале весны корни рогов начинали зудеть, болела от них голова. Он много чесал их о деревья до тех пор, пока однажды не отвалился один рог и по щеке не скатились капельки крови. И тут он впервые увидел свой рог, который доставил ему когда-то радость борьбы, а в последнее время и мучения. Некоторое время голова была, как однобокая. Он потерял аппетит, даже чуть-чуть похудел, но вот отвалился и последний рог и сразу стало легче голове, и в то же время не хватало обычной тяжести. Но дорогу по привычке он все равно еще долго выбирал пошире, чтобы не зацепиться ветвями рогов...

Животное в любое мгновение могло тронуться с места. Нужно спешить. Ефим полз, прячась за бугорки и деревья. Нужно было как можно ближе подкрасться, чтобы бить наверняка. Снег с уханьем оседал большими пластами. У Ефима взмокла спина. Еще немножко, вон до той сосны, и можно стрелять.

— Уж ты подожди, уж немножечко еще подожди, не убегай. Трогать тебя я не буду, я только посмотрю на тебя

поближе. О, воих, постой, еще немного подожди.

Ефим вспоминает идолов, у которых ночью просил удачи.

— Помогите, помогите мне. О, лесные духи, о, Торум, сам великий Торум, помогите. Угощать вас буду, подарки делать буду, всегда подарки вам будут. Вот еще немножко, вот сейчас... У, анки, анки...

Ухнули пласты подтаявшего висящего снега, треснули сучья под тяжестью оседающего наста, покатились снежная волна прямо под ноги животного. Вздрогнул лесной гигант, храпнул ноздрями, качнулся вперед. Прыжок, еще прыжок, еще, еще...

Ефим от внезапности случившегося открыл рот, вскочил на колени. И больше по инстинкту, чем сознательно, почти не целясь, нажал на спуск, уловив между деревьями бок лося. Негромкий винтовочный выстрел. И все стихло. Опустил на снег ружье, схватился за голову, раскачиваясь в бессильной злобе.

— Упустил, ушел, ох, ох, как не помогли, зачем не помогли! — взывал он к деревьям, к духам лесным, протягивая к ним руки, вскочил, пинал снег. — Ты, ты пугал! Ой-ой-ой, как же, как же теперь! Надо думать, трубку курить надо.

Обтер рукавом винтовку, прислонил к дереву, сел прямо на снег, локти и колени были мокрые. Долго высекал кресалом искру, наконец, трут задымился. Спички с собой он не брал, мало их было, спичками Ульяна пользовалась, когда оставалась одна. После первых затяжек трубки немного успокоился и начал обдумывать свое положение.

Вот здесь лось бежал. Дальше маховые следы кончились, пошел рысью. Надо посмотреть, куда бежал. Солнце поднялось уже высоко, ветер стих, корка отошла, снег начал проседать под лыжами. Идти было неловко, лыжи то и дело уходили под снег, их приходилось с силой вытаскивать.

— Что это! Постой, постой! Да это же кровь, кровь! — Ефим сгоряча не заметил, что по следу кое-где остаются капельки крови. Так зачем я тороп-

люсь! Тише надо, тише. Да, конечно, стрелял я его в бок, в живот.

Ефим остановился. Вспомнил он несколько случаев, когда с далекого расстояния охотники специально стреляли в бок по кишкам. «А может и я попал по кишкам!»

Теперь Ефим не торопился, шел медленно. Стоп! Лежка, первая лежка, и кровь! Значит идти долго не может, начал ложиться. Надо подождать, пусть залежится, тогда можно подходить.

X X X

«Опасность, надо бежать!» — первое, что подумал он, когда слышался подозрительный шум и дрогнул вокруг снег. Как стоял, так и бросился не разворачиваясь. И в то же мгновение острая боль прошла по животу.

«Бежать, бежать от этого страшного места!» Но пробежал он мало, боль в животе усиливалась, в теле появилась слабость, кружилась голова и подкашивались ноги. Лег, повернувшись по привычке в ту сторону, откуда шел. «Что случилось, почему боль!»

«А это еще что, кто это! Идет сюда, кто-то идет. Бежать!» Поднялся, но бежать уже не смог. Пошел шагом. Натыкаясь на деревья, неясно видя впереди себя, шел, шел изнемогая, ложился. «А этот слева, а теперь справа, а теперь спереди. Да сколько же их!!»

Ефим выбрал освободившуюся уже от

снега и подсохнувшую валежину, и повернув под нее задки своих лыж, удобно уселся. Теперь он был рад, счастлив. Дело, считай, сделано. Есть мясо, много мяса! Все будут сытые и довольные. Теперь нужно поближе подогнать к стоянке его, чтобы сам пришел, пришел к своему концу. Так учил его отец.

Гонит Ефим свою жертву, которая, из последних сил стараясь уйти, тем самым с каждой минутой приближается к концу своих мучений, к неизбежному трагическому концу. Так уж устроен мир, кто-то должен погибнуть, чтобы дать жизнь другому. Ефим сглатывал слюни, он уже чувствовал вкус свежего мяса, свежей крови. Вот уже слышался нетерпеливый собачий лай. Лось еле переставлял совсем уже непослушные ноги, натываясь на каждом шагу на деревья. В глазах у него все слилось в один цвет. В голове гудело. Он медленно оседал вниз, валился на бок. Увидел свою мать — большую, рыжую, заслонившую перед ним весь свет. Кинулся навстречу и уткнулся окровавленной мордой в мохнатый ее бок. Не почувствовал сгоряча Ефим боли в ноге от удара лосиного копыта. Поторопился он, забыл в горячке еще одну заповедь: не подходить к зверю со стороны ног. С бульканьем лилась алая кровь в пригоршню, с жадностью пил ее Ефим — горячую, сладкую. Вот и все, вот и хорошо. Усталый, но счастливый, повалился он спиной на тушу лося.

— Уля! Мясо есть! Много мяса!

КУРС—НА

(Из судового журнала

3 августа. По правому борту проходим мыс Трехбугорный. Вид у него внушительный и суровый. Хорошо видна Тазовская губа. Льда пока нигде не видно. Над мысом висит туман, сыро, но пока еще не холодно. В воздухе изморозь, вся яхта блестит от влаги. Высокий мыс (высота 105 м) закрыл сев.-вост. ветер, яхта заштилела в его ветровой тени. Запустили дизель, через полчаса вышли на ветер.

После обеда в 14²⁰ идем 6 узлов. Берегов не видно, вокруг свинцового цвета волны. Все привыкли к постоянной качке, приспособились. Раздеться и одеться можно только исполнив несколько акробатических трюков.

Вокруг все наредкость безжизненно. Видели только семь уток на воде, очень крупных, да иногда рядом с яхтой парит чайка. Видимость хорошая.

В 21¹⁵ давление начало очень резко падать. Подул шквалистый ветер с запада. Все на палубе, с трудом взяли два ряда рифов на гроте, поставили штормовой стаксель. Юрий с Виктором уходят спать, но вряд ли им это удастся. Яхту швыряет, как щепку. На гребнях попутных волн идем со скоростью до 12 узлов. Вокруг все в пене, брызги. Я снимаю камерой, Быков, обвязавшись страховкой, снимает с носа фотоаппаратом. Обнаруживаем, что в яхте плещется вода, начинаем отчерпывать в ведро. Подмокли чай, сахар, печенье. Пытаемся разобраться со всем этим, но очень сильно качает. Ветер так же быстро стих, как и начался. Занимаемся уборкой и герметизацией отверстия в корме, где проходят провода к дизелю. Не заметили, как пересекли губу с запада на восток. Виден восточный угрюмый безжизненный берег.

4 августа. От восточного берега идем курсом 330° на северо-запад. Температура ночью +5°. Чувствуется приближение

Окончание. Начало см. «Югра» № 1.

АРХАНГЕЛЬСК

яхты «Югория»).

Арктики. Яхта стремительно идет на север. Проходят в привычной работе с парусами, управлении яхтой дни и ночи. Все привыкли к морской жизни. К 18⁰⁰ ветер зашел на юг и стал попутным. В 20⁰⁰ — на ужин картошка в мундире, сало, лук, помидоры, очень сладкий чай + джем «Уша». Вода в чайнике из-за борта оказалась соленой.

5 августа. Курс — север. Идем вблизи западного берега. Туман, дождь. Видимость плохая. Где-то слева должен открыться пролив Малыгина. Периодически уточняем по карте. Ищем маяки. Мешает туман, волнами накатывающийся на яхту. В 7¹⁵ слева проходим залив Малыгина. Проливом решили не идти, хотя у нас есть хорошая карта. Сложный мелкий фарватер, а видимость ограничена. Идем к острову Белый. Мы в Карском море. Дождь, давление медленно падает, видимость 400—500 м. Курс 300°. Идем на маяк мыса Шуберта на о. Белом.

В 15³⁰ оставляем его по левому борту. Очень мешает туман, берег низкий, песчаный, просматривается с трудом. Вид суровый. В ложбинах лежит снег.

В 23⁰⁰ подошли к мысу Белый. Он обрывается в океан гранитным уступом, весь в пене прибоя. Виден остов судна, потерпевшего крушение в 1933 году. Видно какое-то судно, стоящее на якоре.

Ночь, но светит яркое солнце. В море много огромных желтых бревен, до боли в глазах всматриваемся в волны. Прошли самую северную точку нашего маршрута — 73°20'. Встретили небольшой айсберг высотой с пятиэтажный дом. Возле него повернули на юго-запад.

6 августа. В 7⁰⁰ вышли на связь с большим ледоколом, стоявшим на якоре возле полярной станции. Он передал прогноз погоды на сутки. Идем на мыс Скуратова. Ветер встречный, идем в лавировку длинными галсами.

7 августа. Температура +5°C. Лавировка вдоль берега Яма-

ла. Берег возле воды покрыт льдом. Ветер усилился. Волны зеленого цвета, вода ледяная, горько-соленая. Яхта взлетает вверх, затем стремительно летит вниз. Паруса штормовые. Сдерживаем ход, чтобы меньше било. Весь день шторм, волны (на глаз) до 4—5 м. По такой волне мы еще не ходили. Две волны накрыли нас полностью, в яхте сыро. Спальники и одежда промокли. Температура к вечеру около 0°С.

Ветер постепенно стихает, в 23⁰⁰ почти штиль. Очень сильный туман. Принимаем решение встать на якорь. В 23⁴⁵ с носа поставили два якоря. Вокруг яхты появились любопытные нерпы. Их очень много. Некоторые играют с якорным канатом. Юрий с Григорием шьют трисель, а мы ложимся спать.

8 августа. Утром, проснувшись, увидели берег километрах в пяти. Штиль. На берегу видны две буровые вышки и какие-то постройки. Подняли якоря и приблизились к берегу, до него около 1 км. Снова бросили якорь. Достали и накачали надувную лодку. Лавируя в тумане вдоль берега, мы долго не могли уточнить свое местоположение. Идти на Амдерму можно было, только точно зная, где мы сейчас находимся. Поэтому принимаем решение о высадке на берег.

В 12⁰⁰ я на резиновой лодке с планшетом, картой, в спасжилете, в непромокаемом костюме «взял курс» на берег. Через 20 минут интенсивной гребли коротенькими веслами подошел к берегу. Там меня уже ждали в болотниках. Они подхватили меня и вместе с лодкой вытащили на берег. По пути к домикам знакомимся. Андрей и Николай — радисты, работают по вахтам. Это подбаза разведочного бурения. Контора находится на Харасавее. В вагончиках, где живут и работают ребята, очень тепло, непривычно просторно и сухо. Пьем чай со сгущенкой, разговариваем. Они удивлены нашим появлением. Яхту вообще видят впервые. В коридоре стоит компактная коптильня для рыбы. Рыба развешана везде. Это омуль. Угощают меня — вкус великолепный, рыба очень нежная.

Уточняем положение их базы. Мы находимся в 100 км севернее Харасавея, в 8 км от маяка Седа. В 15⁰⁰ вместе с Андреем и Николаем возвращаемся на яхту. Они вручили мне два мешка рыбы, ящик сгущенки и хлеб. На яхте устроили праздничный обед с нашими новыми друзьями.

Льет проливной дождь. Ветер северный, усиливается. В 17⁰⁰ попрощались с ребятами и пошли дальше. Берег становится выше, маяки стоят на обрывистых мысах. Ветер попутный, быстро идем в Харасавей.

9 августа. День солнечный вытащили наверх спальные мешки, штормовую одежду. Пытаемся подсушиться. Давно видим

высокий мыс Харасавей, перед ним поселок.. Проходим мимо него. Много домов, вдоль берега всякая техника. Вызвали на связь порт, поговорили с капитаном. Уточнили заход в реку, где расположен порт. Заход довольно сложный, между двух низких песчаных островов — «кошек».

В 13⁰⁰, осторожно пройдя по бару, зашли в устье реки и пришвартовались к большому плавкрану «Ганс». Познакомились с экипажем. Сергей и Володя из Ленинграда. Вытащили из яхты всю одежду и спальники, повесили сушить в просторной бытовой комнате в кране. Узнали, что в поселок, который находится в 6 км, попасть можно только на вертолете, что в поселке не принимают телеграммы, потому что кто-то не оплатил кому-то счет, что баня работает три раза в неделю, что сегодня мы уже в поселок не попадем. Пошли на берег, обувшись в кроссовки. Обнаружили, что там непролазная грязь. Вернулись за сапогами.

Прошли вдоль берега. Он захламлен бочками, окаменевшим цементом, какими-то мешками из-под «химии», различной тарой, досками и т. д. Возле самого обрыва стоят вагончики. В них расположены две экспедиции из Риги и Ленинграда — гидрографы и гидрологи. Внизу дебаркадер, где живут экипажи катеров, обслуживающих этот небольшой порт. На самом мысу два старых бревенчатых дома. Это бывшая метеостанция, как здесь ее называют, — «полярка». Дома уже старые, но еще целые, построены добротно. Топились углем, горы которого лежат рядом. Станция была основана в 30-е годы, сейчас уже не действует. Становится не по себе, когда представишь жизнь здесь зимовщиков. Сзади бескрайняя плоская тундра, впереди огромное замерзшее море. Белое безмолвие вокруг. Сейчас внизу пенный прибой, отчетливо виден фарватер бара реки — выход в море. Зигзагообразный, очень узкий, со всех сторон мели, на которых сплошная пена волн.

Сходили на вертолетку, поговорили с мужиками. Сегодня уже лететь в поселок нет смысла, обратно не успеем. Ночевать там нет никакого желания. Главная проблема — дать телеграммы домой. От нас уже вторую неделю ничего нет.

Нашли баню, она топится! Договорились на вечер, помоемся после всех. В баню попали только в 11 часов вечера. Долго парились, мылись, стирали.

Поздно ночью — чаепитие. Спали в жарких каютах на кране.

10 августа. Утром за завтраком распределяем обязанности. Мы с Виктором полетим в поселок дать телеграммы, Юрий Иванович с Григорием займутся парусами и такелажем, Быков будет ремонтировать дизель. Он не заводится — видимо, холод-

но, а мы не взяли систему запуска в холодную погоду. И, наверное, засорилась топливная система.

Пошли на вертолетную площадку. Ждали около часа. Прилетел огромный МИ-6. Командир сказал, что полетят они сначала по буровым, а потом в поселок. Полетели с ними. Больше часа летали над тундрой. Она вся испещрена гусеницами вездеходов, нет живого места. С высоты море кажется еще больше. Возле поселка Харасавей огромные горы различного мусора. Сам поселок тоже производит мрачноватое впечатление. Пока мы летели, наступил обед. Сходили в магазин, купили кое-что съестное и хлеб. Пообедали в столовой, походили по поселку. Мусора здесь невероятное количество. От устья реки до поселка Харасавей — это 6 километров — огромная свалка угля, цемента, разбитой техники. Летом она ржавеет, работает только зимой. Огромный сгоревший бокс, деревянные тротуары. Харасавей — поселок вахтовый, сельсовета здесь нет, хозяин — Ямальская экспедиция разведочного бурения. Контроля за ними нет никакого. Вольготно живут.

После обеда зашли к начальнику экспедиции, договорились насчет радиogramмы через Тюмень домой. Добрались до порта к вечеру.

Дизель уже был заведен, он тарахтел, заряжая аккумуляторы. Поужинали и легли спать, надеясь уйти из Харасавей 11 августа.

11 августа. Утром дизель опять не завелся. Сняли его с яхты и затащили в мастерскую плавучего крана. Разобрали полностью, промыли и продули топливную систему, проверили зажигание, заменили смазку в картере, собрали и установили на яхту. После обеда решили выйти в море.

Под дизелем пошли по реке. На баре гуляет высокая крутая волна. Справа и слева все в пене. Проходим мимо ржавого днища затонувшей баржи, по нему с шипением пробегает волна. Выйдя на бар, яхта высоко подняла нос, взбираясь на волну. Скатываясь вниз, она тяжело ударилась килем о дно, потом еще и еще раз... Заглох резко дизель, яхту боком понесло на мель, ударяя килем, медленно развернуло, и, чудом не выбросившись на мель, мы ушли обратно в реку. Молча пришвартовались и долго курили. Решили уходить на следующий день.

12 августа. Дизель мертвый, не заводится. Решили больше с ним не возиться. Дождались прилива. Еще вчера договорились с капитаном подошедшего гидрографического судна «Николай Пермитин», что он нас вытащит на буксире за катером «Костромич». Приготовились и начали торопливо сниматься со

швартов. Не учли очень сильное приливное течение и яхту, развернув, прижало правым бортом к носу «Николая Пермитина». Тем временем на катер уже был отдан буксир и нас потащили кормой вперед. Правая ванта, согнув красницу и смяв мачту, лопнула.

Причалили рядом с краном. Осмотрели погнутую мачту и порванную ванту, принялись за ремонт. Установили вспомогательную распорку на нижние красницы, срастили ванту. Заодно сняли и разобрали дизель. Обнаружили, что разрушилась часть маховика, дизель не исправить. В разобранном виде уложили его в яхту. Итак, мачта погнута, деформирована красница, разорвана ванта, не работает дизель. И ветер с севера-запада не думает стихать. Долго стоим на берегу и смотрим на весь в седой пене бар р. Харасавей.

13 августа. Проснулись, позавтракали. Решили уходить сегодня обязательно по максимальной воде. Экипаж катера идти на бар боятся, говорят, что для них волна очень большая. Но мы их уговорили. В 13⁰⁰ катер взял яхту на буксир и мы, наконец, вышли в море. «Костромич» швыряло так, что жутко было смотреть. Яхту четыре раза ударило килем о дно, но все более или менее прошло гладко.

Подняли паруса и взяли курс на Амдеру. Все рухнули спать. Всю ночь штиль, болтались на большой зыби. Много красивых чаек, нерпы, моржи.

14 августа. Температура 6⁰С, ветер северо-западный три метра в секунду, курс 210⁰. Цвет воды стал голубым. Медленно идем, любуясь морем. Какие-то бесхвостые чайки очень быстро пролетают мимо. Иногда собирается небольшая стайка, они громко кричат, скандалят.

В 16⁴⁰ прямо по курсу увидели землю. Идет мелкий дождь, берег временами скрывается в тумане. К 20 часам подошли к Амдерме. С берега поднялся вертолет и два раза облетел яхту. Мы помахали ему, и он улетел. Идем вдоль берега. Виден большой поселок в бухте.

В 20⁴⁵ прошли траверз маяка Амдермы. В 23⁰⁰ слева по борту оставили о. Местный. Ветер стихает. Поговорили по радиации с портом, передали радиogramмы в Мурманск и Архангельск. В 00 часов вошли в пролив Югорский Шар. Справа остров Вайгач, слева Югорский полуостров. Ночь очень темная, хорошо видны маяки и створы.

15 августа. Мы в Баренцевом море!

Всю ночь шли по проливу со слабым попутным ветром. В 8⁰⁰ на выходе из пролива слева видим бывшее селение Хабарово. Там обнаружили хорошо сохранившуюся «зону»,

видимо, сталинских времен. Сюда в 30-е годы вели железную дорогу из Воркуты для подвоза угля судам Северного морского пути. Во время Отечественной войны ее разобрали. Справа видна бухта Варнек и одноименный поселок. Он жилой. Там тоже сталинский лагерь. Вид очень мрачный. Бежать отсюда сложно.

В 10⁴⁰ выходим на связь с танкером «Ленанефть». Он передал нам метеосводку. Ветер восточный, попутный. Ясно. Идем курсом 230⁰ на остров Матвеев.

В 14⁰⁰ выходим точно на него. Оставляем маленький плоский островок слева по борту. На берегу большая башня маяка, высота от уровня воды 52 м. Рядом с ним старый деревянный маяк, построенный еще в начале века. Взяли курс на о. Колгуев. Ночью ветер опять скис, штиль. Волна громко шлепает под корму яхты.

16 августа. Весь день болтаемся без ветра под дождем. От нечего делать собрали 10 литров великолепной дождевой воды для чая. Вода становится теплее, Баренцево море немного «мягче» Карского. Идем со скоростью один-три узла. В 13³⁰ ветер зашел на северо-запад, усилился. Пошли повеселее. Температура 10⁰ С. В 17³⁰ на траверзе маяка Худовариха, что на Гуляевских «кошках», нас «атаковал» военный АН-26. Неожиданно вынырнув из облаков, он очень низко пролетел над яхтой, развернулся и повторил свой маневр. Потом так же быстро куда-то улетел.

17 августа. Утром увидели о. Колгуев. Он довольно большой, видна гряда высоких холмов. Где-то там поселок Бугрино. Говорят, там выращивают самую северную в мире картошку. На траверзе маяка Колгуев-Южный ветер опять стих. Солнце, очень тепло, до 18⁰. Команда даже пыталась загорать. Вода чистейшая, долго видно монетку, брошенную в море. Весь день ползем мимо островка, раскачиваясь без ветра на крупной зыби с востока.

Ночью опять штиль, паруса хлопают, волны громко шлепают о почти неподвижную яхту. Юрыч ночью видел спящего кита, в 10 метрах от яхты.

18 августа. День похож на предыдущий, только все время идет нудный дождь. Обедаем всей командой, яхта идет потихоньку сама с закрепленным рулем. К вечеру восточный ветер начал усиливаться, установили паруса «бабочкой», быстро пошли. Любуемся стремительным ходом яхты, она до половины вылетает на попутной волне, пенные «усы» временами выше борта.

Слева виден черный высокий берег полуострова Канин.

Встречный буксир с баржей вышел на связь и спросил, все ли у нас нормально. Кто-то в этом районе подал сигнал бедствия по спутниковой связи. Говорим ему, что у нас все в порядке, расходимся.

19 августа. В полночь открылся маяк на мысе Канин Нос. Огонь очень яркий, секторный. 1³⁰, по плавной дуге обогнули мыс и вошли в Белое море.

Ветер, свяжий, восточный, идем 6-7 узлов. Приближаемся к Кольскому полуострову, следуя рекомендованному курсу на маяк Острые Лудки. В 8 часов утра рядом с яхтой проплыла огромная белая спина дельфина-белухи, которую мы было приняли за льдину. Он очень медленно и плавно поднырнул под яхту и скрылся. Напрасно мы приготовили фотоаппараты. Как всегда, самое интересное опять не удалось. Видеокамера уже давно не работает, отказала от сырости и соли. Весь день великолепный ход курсом бакштаг левого галса.

В 24⁰⁰ прошли маяк Острые Лудки.

20 августа. Идем вдоль высокого каменистого берега Кольского полуострова. Маяки расположены очень высоко, ориентироваться легко. Много встречных и попутных судов, разговариваем с ними по радию. Белый пассажирский теплоход, идущий близко к берегу, кажется игрушечным. Берег высотой более 100 м. В 8⁰⁰ пересекли Северный полярный круг. В 11³⁰ от маяка Сосновец на маленьком островке взяли курс на Зимний берег Двинского залива. Идем по горлу Белого моря. Если верить лоции, то это самое опасное место. Сильное приливно-отливное течение здесь накладывается на ветер и образуются высокие волны. Видим и Терский, и Зимний берега. К вечеру подходим к маяку Зимнегорский. Берег очень красивый, покрыт густым лесом, высокий. Ветер к ночи опять стихает, медленно идем вдоль берега. Уже близко остров Мудьюгский, где начинается рейд Архангельского порта.

21 августа. Утром на восходе солнца пытаемся рассмотреть в бинокль высокий маяк на о. Мудьюгский. Из воды вдали торчит много непонятных предметов. Лавируем, меняя носовые паруса. Мимо яхты пролетает большая стая лебедей.

Показывается маяк на Мудьюгском. Ветер опять стихает, медленно идем к входу в Северную Двину, обставленному бакенами. Это тоже бар, вокруг мелко, а судовой ход довольно узкий.

В 12⁰⁰ на подходе к приемному бую остановились, скорость яхты и встречного течения равны. Недалеко стоит лоцманский катер «Пилот». Через него выходим на связь с парашодством, а оттуда звонят по телефону в яхт-клуб. Просим

выслать какое-нибудь судно для буксировки. Без двигателя плохо.

Команда «Пилота» угощает нас батоном хлеба. Мы уже несколько дней жуем сухари. Отошли от катера и еще раз попытались сами идти дальше. Ничего не получается, стоим на месте. Бросили якорь, загораем. Погода позволяет. Курим огромные самокрутки. Обедаем. Когда стоять надоело, снимаемся с якоря и медленно идем против течения. Видим небольшое судно, идущее прямо на яхту. Отварачиваем в сторону, уступая ему дорогу, но оно упорно идет на нас. Предлагают буксир. С радостью принимаем приглашение и через несколько минут несемся за ними на тросе. Идем, фотографируя все вокруг. Такое впечатление, что попали в тропики. Зелень, тепло. Забытые запахи с берегов, стога сена, дымок костра. Возле причалов района «Экономия» наши дороги расходятся, принимаем буксир попутного «Ярославца», очень кстати оказавшегося рядом. Он доводит нас до яхт-клуба. Поднимаем стаксель, огибаем мол и швартуемся к берегу.

Нас встречают. 17⁰⁰ московского времени.

Цель, к которой мы долго готовились, достигнута!

Эти кедры с двойными полосами находятся в тайге в двух километрах от реки Тапсуя. Метки обозначают уровни весенних половодий. Верхняя полоса выше роста человека, по крайней мере — выше головы снимаемого (его рост 175 см).

Вот такие весенние разливы рек бывают в тайге Северного Зауралья. И чем больше в лесах снега зимой, тем выше остаются метки на деревьях. Почти каждую весну в Мансийской тайге происходит «потоп». И манси-охотники свободно плавают на лодках по тайге на большие расстояния от рек. Картина удивительная и прекрасная. Она как бы возвращает нас к исторически давнему ледниковому периоду и легендарному потоплению земель, прилегающих к Уральскому хребту.

